

Саид АМПАР

РЕЗИДЕНТ ВСТРЕТИТ В АДЛЕРЕ

Валерий ФЕДОРОВ

ФИАСКО ПОЛКОВНИКА КОБАЛАДЗЕ

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ
АБХАЗСКИХ И ГРУЗИНСКИХ
СПЕЦСЛУЖБ (1992–1993 ГГ.)

Выпуск I

Для того, чтобы страницы выпуска прочесть по порядку,
еще раз сложите лист пополам и срежьте верхнюю кромку

В основу рассказа положены события времен грузино-абхазской войны, имевшие место в действительности, но большинство имен и фамилий и многие реалии в нем изменены.

Саид АМПАР

РЕЗИДЕНТ ВСТРЕТИТ В АДЛЕРЕ

НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА
ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ
И КОНТРРАЗВЕДКИ
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ
ПОЛКОВНИКУ АЖИБА Э. С.

РАПОРТ

18 апреля 1993 г. на посту "Псоу" был задержан в нетрезвом состоянии гр. Джгмадзе Гигла Мамиевич, 1962 г. р., проживающий в г. Гори, ул. Платановая, 68. Свой приезд в Абхазию он объяснил тем, что где-то в г. Гудаута проживает Тедеев Арсен, у которого в г. Цхинвале якобы умерла мать, и он приехал сообщить ему об этом. Затем, 21 апреля, он изменил свои показания (объяснения прилагаются). Задержанный доставлен к вам в отдел.

Приложение: материал на 5 листах.
Начальник Гагрского отделения
капитан Эшба Г. С.

Из объяснения

Джгмадзе Гиглы Мамиевича

(пос. Цандрыпи, 18 апреля 1993 г., получила ст. лейтенант Базба Г. В.

По существу заданных мне вопросов могу пояснить следующее: 15 апреля 1993 г. в 11 ч. авиарейсом Тбилиси-Адлер я вылетел из Тбилиси, чтобы отправить домой знакомых моего двоюродного брата Чхиквадзе Тенгиза. Их звали Ира Самсонова, Наташа, Вика, им надо было поехать к себе домой в г. Джамбул. По приезду в Адлер мы устроились в гостинице "Весна". На следующий день эти девушки без моего ведома скрылись, после чего я обнаружил, что пропали мои 1000 долларов. Я заявил о пропаже в Адлерский РОВД ст. лейтенанту Леонову из 417 комнаты, его я знал и раньше. У меня были фотографии девушек, я передал их Леонову. После этого возле Адлерского рынка выпил водки с армянином по имени Эдик, который представился беженцем из Абхазии. Вечером, будучи в нетрезвом состоянии, я подошел к абхазской таможне на посту "Псоу", чтобы передать моему горийскому соседу Тедееву Арсену, что умерла его мать. Арсен сейчас служит в абхазской армии. Я также надеялся, что он сможет помочь мне деньгами.

ОБЪЯСНЕНИЕ

п. Цандрыпи 21 апреля 1993 г.

Начальник Гагрского отделения военной разведки и контрразведки МО Республики Абхазия Эшба Г. С. получил объяснение от Джгмадзе Гиглы Мамиевича, 1962 г. р., место рождения - г. Гори. Образование - среднее. Семейное положение - женат. Место работы - не работает. Национальность - грузин. Судимость - судим. Русским владеет хорошо и показания желает давать на русском языке.

Подпись - (подпись).

По существу заданных мне вопросов могу пояснить следующее:

Я работал младшим инспектором уголовного розыска г. Гори. В январе 1992 г. я избил задержанного человека, фамилию которого я не помню и который впоследствии скончался. Меня арестовали и содержали сначала в горийской, а затем в кутаисской тюрьме. Когда в Абхазии началась война, нас, заключенных, перебросили до Поти, а затем на катере переправили в Сухуми, объяснив, что нас привезли воевать с абхазцами. Оружие не дали, сказав, что выдадут на позиции. Нас разместили в институте усовершенствования учителей, где я пробыл три дня. Чтобы убежать из Сухуми, я перебинтовал левую ногу, как будто ранен. На прогулочном катере выехал обратно до Поти. В Поти познакомился с одним гвардейцем, Гелой, который сказал мне, чтобы я поехал с ним в Тбилиси, где в полку можно получить автомат. Мы с Гелой поехали в Тбилиси, на ул. Камо размещался гвардейский полк. Гела меня познакомил с каким-то офицером, который после предъявления мною паспорта помог получить автомат. Там комплектовалась группа, которая должна была поехать в Абхазию воевать. Я вместо того, чтобы поехать с ними, поехал в гост. "Иверия". В гостинице жил три дня на 10-м этаже. На 4 этаже гостиницы я ранил в ногу одного свана, который угрожал мне гранатой. Я убежал из гостиницы и выехал в Гори. Мои родные удивились, увидев меня с оружием. Я им рассказал все, что со мной было. На третий день после моего приезда меня задержала горийская полиция, отобрала автомат, после выяснения обстоятельств приобретения оружия меня отпустили, выдав справку об изъятии оружия. Затем я выехал в Таганрог, где проживал на квартире у тещи Кахиани Важи Дмитриевича, по адресу ул. Петровского, д. 188, кв. 23, квартира принадлежит Мартюховой Марии Тимофеевне. У них я похитил около 100 тыс. рублей и вернулся домой. В Гори 11 апреля у одних женщин, которые проживали в Тбилиси, я похитил около 1000 (одна тысяча) долларов США. После приезда из Таганрога в декабре 1992 года ко мне подошли гвардейцы, которые предложили работать на них. Я сначала отказался, но они стали меня шантажировать, что снова меня посадят за старое дело. Со мной говорили офицеры разведки Арчвадзе Мераб и Гуния Мераб. Они объяснили мне, что нужно вылететь в Адлер, где меня встретят, и дали мне какой-то конверт. Мне объяснили, что я поступаю в распоряжение того, кто меня встретит в аэропорту, и должен выполнять его задания. В январе - какое число не помню - меня отправили самолетом в Адлер. В аэропорту меня встретил, как я потом выяснил, ст. лейтенант милиции о/у ОУР КМ Адлерского РОВД Леонов Владимир Владимирович, я ему передал конверт, он посадил меня в а/м "Волга" ГАЗ-24 белого цвета и отвез к себе на работу в Адлерский РОВД. Там он прочитал письмо,

которое я ему привез, а затем устроил меня в гостинице около морпорта в Адлере. Через два дня он, забрав меня из гостиницы, объяснил, что на российской стороне поста "Псоу" меня встретит Тедеев Арсен, и то, что он передаст мне, я должен был отдать Леонову. Я на автобусе добрался до поста. Там меня увидел Арсен Тедеев. Он сидел на а/м ВАЗ-2106 белого цвета. Я сел к нему в машину, и мы поехали в направлении Абхазии. Мои документы никто не проверял, и мы въехали на территорию Абхазии. В машине он спросил, почему меня прислали. Потом мы с ним проехали в поселок, как называется, не знаю, неподалеку от границы. Он зашел в какой-то дом, отсутствовал 5-6 минут и пришел чем-то расстроенный. Сказал на грузинском языке, что "эти гниды не дают покоя этой женщине". Когда он выходил из дому, держал в руках что-то завернутое в газету. Минут 10 мы еще куда-то ездили. В машину к нам подсел офицер в форме, бородатый, передал ему какие-то документы и сразу же вылез из машины, и мы поехали в сторону границы. Тедеев мне передал большой конверт, чтобы я передал тому, кто меня прислал. Я передал конверт Леонову, а сам улетел в Тбилиси.

В феврале меня снова послали те же люди в Адлер. В аэропорту меня снова встретил Леонов. Он сказал: "Твой поезд уехал", - и я вернулся обратно в Тбилиси.

15 апреля меня в третий раз послали в Адлер. В аэропорту снова встретил Леонов. Со мной были три девушки, при которых Леонов ко мне не подошел. Я взял такси и поехал в Адлер в гостиницу "Весна", где и устроился. Леонов проследил, где я устроился, и вечером пришел ко мне в номер. В это время у меня в номере сидели эти девушки. Вместе с Леоновым был парень, который представился девушкам как сотрудник уголовного розыска. Его зовут Алик. Он маленького роста, чернявый, в разговоре часто использует слово "джан". Леонов вышел со мной и договорился о встрече. Он пригласил меня на 16.04 в 10.00 к себе на работу. Я пришел в РОВД, спросил у дежурного: "Где грузин?" Он ответил: "Какой грузин?" Я сказал: "Тот, кто имеет белую "Волгу". Он сказал: "Леонов что ли?" Он мне сказал подняться в 417-ю комнату, что я и сделал. В комнате находились сотрудники уголовного розыска. Леонов пригласил меня в другую комнату и сказал, что если кто-то спросит, я должен объяснить, что меня ограбили и поэтому пришел к нему. Напечатал повестку (прилагается) и отдал мне. При беседе он сказал, чтобы я пошел снова на пост "Псоу". Возле поста на российской стороне ко мне должен был подойти кто-то. В это время вошел начальник уголовного розыска (по-моему, Карпов) и дал задание, чтобы сотрудники отдела куда-то выехали. Леонов Владимир и Алик сказали, что они поедут. Я пошел на базар и выпил с какими-то армянами водку. В пьяном виде я

поехал в сторону границы. На границе меня задержали и доставили в абхазское отделение милиции.

Объяснение написано с моих слов верно, мною прочитано, в чем и расписываюсь. (Роспись).

Объяснение взял (подпись) Г. С. Эшба

Из докладной записки начальника отдела военной разведки и контрразведки МО РА полковника Э. С. Ажиба:

"...Во время задержания Джгмадзе Г. в кармане его была обнаружена и изъята повестка, датированная 19.04.93 г., где указывалось, что Джгмадзе Г. якобы вызывался в качестве свидетеля в Адлерский РОВД. Повестку, со слов Джгмадзе, ему вручил Леонов В. и добавил, что с нею, как с документом прикрытия, он может беспрепятственно заходить к Леонову.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что Джгмадзе Г., будучи завербованным спецслужбами Грузии, является связником-информатором между Тедеевым А. и Леоновым В.

Для сведения: Тедеев А. и Джгмадзе Г. - оба коренные жители г. Гори, проживали по соседству, знают друг друга хорошо, взаимоотношения нормальные, личных счетов нет.

Леонов В. В. работает оперуполномоченным уголовного розыска Адлерского РОВД, по национальности грузин, носит фамилию своей супруги. Из полученных оперативно-следственных данных явствует, что Леонов В. В. является резидентом спецслужбы Грузии по Адлеру.

В настоящее время эта версия нами тщательно проверяется.

Тедеев Арсен, 1946 года рождения, родился в г. Гори Грузинской ССР. После начала войны в Южной Осетии и притеснений осетин, живших по всей Грузии, переехал с семьей в г. Цхинвал. Образование 8 классов, семейный, с августа 1992 года - в г. Гудауте, участвовал в боях с войсками Грузии в составе южно-осетинской группы. В качестве водителя перевозил гуманитарную помощь.

Вышеизложенное докладываю для сведения."

* * *

Капитан Геннадий Эшба захлопнул тоненькую папку с делом Джгмадзе и, откинувшись на спинку стула, запустил пятерню в волосы на затылке. Потом левой рукой нажал кнопку выключателя настольной лампы, и кабинет погрузился в темноту. Так, казалось ему, будет легче сосредоточиться на этом запутанном деле, над которым уже неделю ломали голову в отделе военной разведки и контрразведки.

Все началось с того, что его ребята взяли болтавшегося на посту "Псоу" пьяного парня из Гори и притащили на допрос. Гигле Джгмадзе было тридцать лет. Смазливый и разговорчивый, несколько болезненного вида "парниша" с явно уголовными замашками, сперва он начал "лепить" явно неправдоподобную версию, даже рассчитанную, как думал теперь Геннадий, на то, что она покажется неправдоподобной. А потом, когда его "прижали", все вдруг стало выглядеть в совершенно ином свете: не у него украли, а он сам, оказывается, украл тысячу долларов, и вместо записи "не судим" появилась "судим". Главное же - из новых показаний Джгмадзе следовало, что в Гудауте действует по крайней мере один агент грузинских спецслужб из числа осетин, родившихся и выросших в Грузии. А

что, если среди них есть и другие "засланные"?

Пока в отделе раздумывали, как быть с Тедеевым: установить ли наблюдение за ним или провести проверку показаний Джгмадзе каким-то иным образом - Тедеев сам устремился в отдел для разбирательства, и его пришлось задержать.

Произошло это следующим образом. Однополчанин Тедеева Анзор Алборов, тоже горийский в прошлом житель, услышал (утечка информации была поистине бичом в работе многих служб абхазской армии), что в особый отдел доставлен какой-то горийский парень, грузин, который называет имена многих осетин, в том числе и имя Арсена. Решив, что это, наверное, Арсен Тедеев, Анзор Алборов рассказал Арсену все, что знал и предложил сходить вместе в особый отдел. Когда подошли к зданию отдела, Анзор поднялся на второй этаж, а в это время к зданию привезли под конвоем Джгмадзе. Причем привез его не кто иной, как сам Эшба. Ну, не удивительно ли: Джгмадзе еще только везут в Гудауту, а там уже это событие обсуждается...

Дальнейшее в протоколе допроса Арсена Тедеева было описано так: "Я спросил у него на грузинском языке, откуда он взялся. Гигла ответил, что якобы мой двоюродный брат из Цхинвала передал мне записку: мол, умерла моя мать. Где эта записка, спросил я его. Джгмадзе сказал, что записку отобрали во время его задержания на посту "Псоу". Больше мы ни о чем не говорили. После этого его завели в помещение отдела." Сам Джгмадзе, когда они поднялись в отдел, отреагировал на эту сцену так: "Что это за спектакль? Он мне сказал: пикнешь - убью!" Попросили подняться и Арсена с Анзором и допросили их. Арсен показал, что Гигла Джгмадзе вырос на его глазах, с отцом его он хорошо знаком, их семьи жили в одном районе Гори. Но после того, как в 90-м Тедеев переехал на постоянное жительство в Цхинвал, они с Гиглой до сегодняшнего дня не виделись. Никаких встреч в этом году на посту "Псоу" у них не было; почему Джгмадзе оговорил его, Арсен Дзанготович не знает...

Надо ли говорить, что задержание Арсена Тедеева вызвало сильное волнение среди осетинской группы, которая храбро воевала в составе абхазской армии. Дело осложнялось еще и некоторыми недоразумениями, порой возникавшими с этой группой: многие в ней говорили с сильным грузинским акцентом, а то и переходили между собой на грузинский - так им было легче общаться, как многим абхазам легче бывает говорить на русском; одного как-то по ошибке, приняв за грузина, наши ребята чуть не убили. Тут очень важно было не поддаваться ни давлению, ни эмоциям, чтобы спокойно, с ясной головой докопаться до истины.

Эшба решил разложить все по полочкам. Он рассуждал так.

1) Предположим, что последняя версия Джгмадзе соответствует действительности и Арсен Тедеев - агент грузинской разведки.

2) С этим прежде всего вступают в противоречие те положительные характеристики, которыми аттестуют его многие успевшие узнать его в Абхазии люди. Как бы то ни было, но объективно, по их свидетельству, Тедеев сделал очень многое для Абхазии. Впрочем, все это еще совсем не исключает его возможной работы на грузинские спецслужбы. Учтем еще, что жена у Тедеева, мать его детей - грузинка.

2) Но для чего Леонову и Тедееву, если они работают на грузинские спецслужбы, нужен был посредник в лице Джгмадзе? Тедеев, по рассказу Джгмадзе, встретил его на российской стороне поста "Псоу", перевез на абхазскую, повозил там, а потом передал пакет для Леонова. Но разве не гораздо проще было Тедееву самому передать пакет Леонову, на российской стороне? Зачем ему подвергать себя риску, перевоза через границу грузина из Гори? Да, явная несостыковка. В конце концов, если Леонов не хотел засвечиваться, можно было найти менее подозрительного связника. Да и вообще не мифическая ли это фигура - Леонов? С другой стороны, Тедеев стал при встрече разговаривать с Джгмадзе по-грузински. Он что, не понимал, что это может вызвать у окружающих подозрения?

II Предположим, что Джгмадзе оговорил Тедеева. С какой целью он мог это сделать?

1) В порядке личной мести? Но и он сам, и Тедеев утверждают, что между ними никогда не было неприязненных отношений.

2) Грузинская спецслужба решила использовать непутевого Джгмадзе для того, чтобы дискредитировать Арсена Тедеева, а заодно и других осетинских добровольцев перед властями Республики Абхазия, вбить между ними клин, посеять подозрения и смуту. Вот это уже очень и очень правдоподобно. В таком случае становится ясно: и первая версия появления Джгмадзе на посту "Псоу" (рассчитанная на быстрый провал), и вторая (основная) были разработаны в Тбилиси мастерами провокации.

3) А если не было никаких Арчвадзе и Гуния, если Джгмадзе в первый раз говорил правду, а потом абхазские ребята-особисты перестарались и заставили его нафантазировать? В таком случае возникают следующие вопросы. Действительно ли у Тедеева умерла мать? Как выясняется, да. Но это произошло два месяца назад и не было для Тедеева новостью. И никакой записки об этом у Джгмадзе при обыске не изымали. Возможно, в самом деле целью Джгмадзе было раздобыть денег. Но не легче ли было сделать это на российской стороне, у того же своего знакомого Леонова?

Многие ошибки, выстраивая ту или иную логическую схему, мы совершаем потому, что не знаем действующих в них людей так, как знаем, скажем, своих друзей, коллег по работе, соседей... Между тем, только зная прошлое этих людей, черты их природы, их разнообразные "закидоны", а не полагаясь на представление о некоем среднестатистическом человеке, можно понять, чем они руководствовались, совершая те или иные поступки.

Что же, если нет собственного знания, надо (хотя и с осторожностью) использовать характеристики, составленные другими людьми. Эшба включил настольную лампу, раскрыл папку и стал перечитывать объяснительную, составленную 22-летним парнем из Цхинвала, бойцом абхазской армии Батраздом Сослановым:

"Числа 21-22 апреля ко мне подошел мой знакомый Дзаботы и сказал, что в комендатуре находится грузин из Гори, который знает многих наших. Я поехал с ним туда и узнал горийского Джгмадзе Гиглу. Он сказал, что потерял деньги и хотел увидеть Тедеева Арсена, тоже проживавшего в Гори, а теперь живущего в Цхинвале. Он хотел взять деньги на поездку домой, а пограничники взяли его и

привезли в милицию. Я сказал: здесь идет война, чего тебя сюда принесло, тебя могут убить. Он сказал: не знаю, мол, мне нужны деньги поехать домой.

Зная кое-что о том, что он воевал против Абхазии, я прямо сказал ему обо всем, он отнекивался. Я ему сказал: если докажется, что он воевал, его дела плохи, его расстреляют.

С Джгмадзе Гиглой мы в близких отношениях не состояли, но я знал его. Это человек способный сделать пакость любому абсолютно безосновательно. Может наговорить, оклеветать. За ним в Гори это не раз наблюдалось. Он своего родного отца оклеветал и сдавал в милицию. В общем, сволочь."

А вот какую интерпретацию этот (наверное, этот?) эпизод получил в устах Джгмадзе. Перед отправкой в Гудауту Джгмадзе заявил, что ночью к нему в камеру приходил якобы один из осетин и предупредил: будешь много болтать про Арсена Тедеева - распрощайся с жизнью. Однако тщательная проверка показала: никто у него ночью не был. Неужели все это - плод необузданной фантазии Джгмадзе?

Теперь - практические выводы. Для того, чтобы выстроить всю логическую цепочку до конца, нужно выяснить недостающие факты. А именно: знает ли оперуполномоченный Адлерского РОВД Леонов гражданина Джгмадзе Г. М., устраивал ли его в гостинице, встречал ли в Адлерском аэропорту на автомашине; вручал ли Леонов повестку Джгмадзе на вызов в качестве свидетеля на 19.04.93 г. и по какому делу; наконец, необходимы полные демографические данные и ха-

рактеристика Леонова.

Но в первую очередь надо было, конечно, устроить очную ставку Гиглы Джгмадзе и Арсена Тедеева.

* * *

На очной ставке, которая проходила в присутствии полковника Ажиба, и Джгмадзе, и Тедеев остались верны предыдущим своим показаниям. Если Джгмадзе оговаривал Тедеев, то делал это очень нагло, если Тедеев пытался отрицать имевшее место в действительности, то ему нельзя было отказать в актерском даровании и умении разыгрывать святую невинность.

И все же слова Тедеева (кстати, по его утверждению, Джгмадзе никогда не работал в Гори в правоохранительных органах) выглядели более убедительными. Во-первых, у него не было белой "шестерки" (и все знавшие его это подтвердили), на которой он, по утверждению Джгмадзе, перевозил его через границу; он ездил только на государственном суперМАЗе, доставлял на нем гуманитарную помощь. Во-вторых, в показаниях Джгмадзе появился явный разрыв: на допросе 21.04.93 он утверждал, что в январе вручил Леонову доставленный от Тедеева конверт, на очной же ставке заявил, что Тедеев сам вручил конверт Леонову. Но в таком случае разъезды Джгмадзе с Тедеевым до Цандрьпша и обратно выглядят совсем бессмысленными...

* * *

Сотрудник, командированный в Адлер, доложил, что повестка Адлерского РОВД, изъятая у Джгмадзе при задер-

жании - фальшивка, подпись Леонова на ней подделана. Кстати, Леонов - он и есть Леонов, никакой не грузин. Было от чего пойти кругом голове...

- Слушайте, может этот Джгмадзе - просто ненормальный? Ребята говорят про него - "пофигист". Все по фигу...

- Нет, - покачал головой Эшба, - обыкновенный психически больной повестку отделения милиции не смог бы подделать. А вот в том, что наши коллеги из Тбилиси решили использовать этого козла, чтобы опорочить преданного нам человека, я не сомневаюсь.

* * *

Выяснилось, что Леонова Джгмадзе видел... только на фотографии. Повестку ему смастерили в Тбилиси. Эшба пришел к выводу, что используя некоторые черты Гиглы, например, лживость, которая простиралась до способности быстро уверовать в свою ложь, грузинская спецслужба хотела не только скомпрометировать Тедеева, но и просто отвлечь абхазские спецслужбы.

Джгмадзе просидел на гудаутской "гауптвахте" - специально оборудованной территории ПТУ - несколько месяцев. Рассказывают, успел поиздеваться над немолодым грузинским генералом, взятым абхазской армией в плен во время шромского наступления в июле 93-го - выражаясь языком уголовников, "опустил" его. Позже был обменен во время обмена военнопленными. И уже после войны в Абхазии нашел свою смерть в Тбилиси в одной из криминальных разборок. Так пришла к своему логическому концу бесполовая и никчемная жизнь "горийского провокатора".

Валерий ФЕДОРОВ

ФИАСКО ПОЛКОВНИКА КОБАЛАДЗЕ

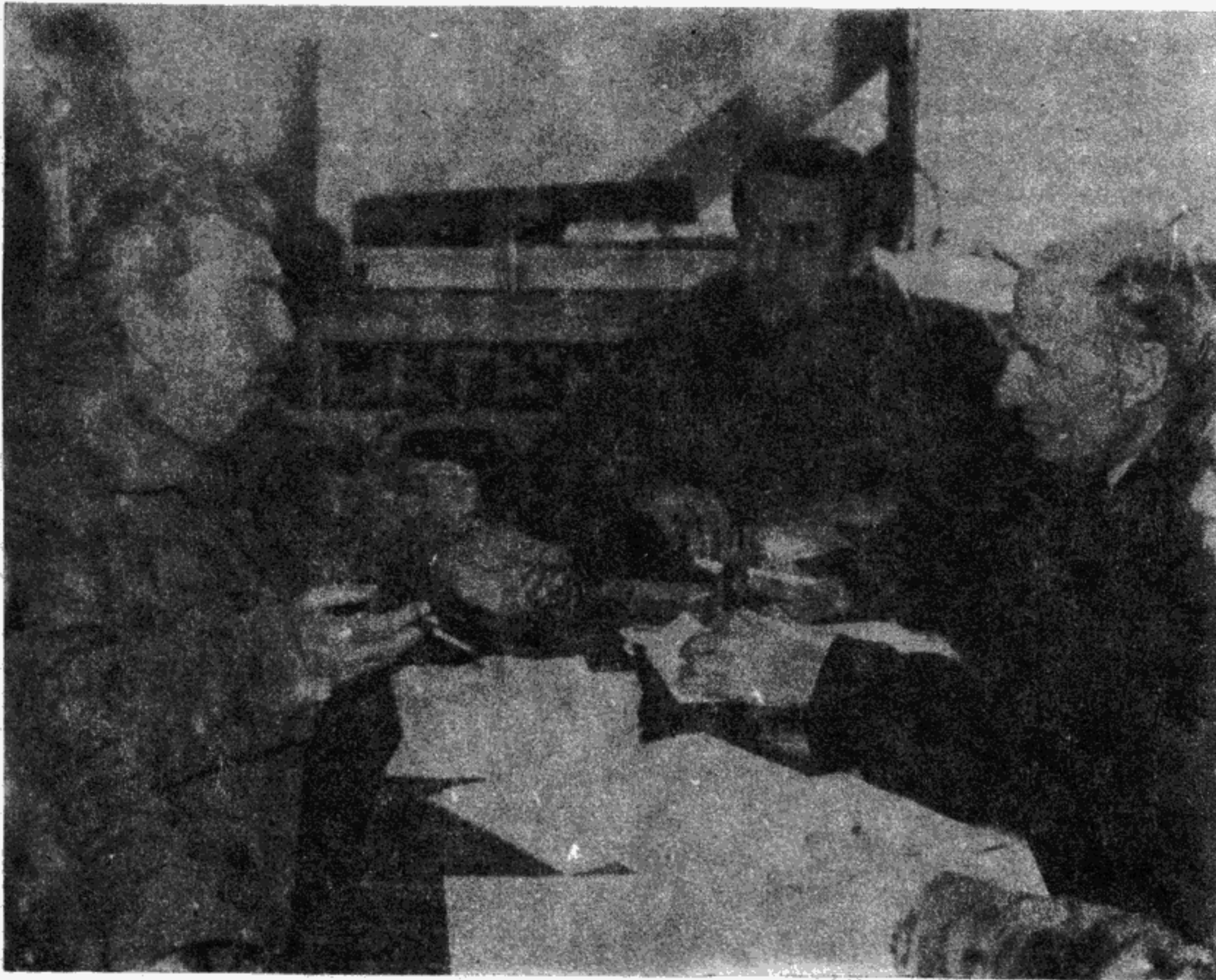
Отрывок из повести "Мы - из "Мстителя"

В основу книги В. Федорова положены подлинные события, происходившие во время грузино-абхазской войны 1992 - 1993 гг. по обе стороны линии фронта. Краткое содержание повести таково. С первых же дней оккупации Сухума войсками Госсвета Грузии в столице Абхазии возникает небольшая подпольная группа, которая назвала себя "сухумский интернациональный партизанский отряд "Мститель". Возглавила ее главная героиня повести Женя Любимова (подпольная кличка "Комиссар Каттани"), среди членов группы были абхазка по кличке "Штирлиц" и армянин по кличке "Ландыш", абхазец "Котик", гречанка "Мамочка", русская "Бирюза" и украинец "Капелька"... Сочиняли и распространяли по го-

роду листовки, как могли старались навредить оккупантам... Грузинским спецслужбам не стоило большого труда выйти на руководителя группы, тем более, что в работе "Мстителя" было немало наивно-романтического: ведь представление о подпольной работе члены группы имели исключительно по приключенческим книгам, кино- и телефильмам. И начинается "игра" этих спецслужб с "Комиссаром Каттани", вот уже несколько лет по "ордеру" Сухгорсовета проживавшей в гостинице "Тбилиси". Майор грузинской армии Тамаз Цыбульский получает задание от местной информационно-разведывательной службы сблизиться с Женей и постараться завербовать ее. Легендарной разведчице времен первой мировой

войны Мата Хари приходилось, как полагают многие, быть двойным и даже тройным агентом. Через нечто подобное пришлось пройти и Жене Любимовой, которая, впрочем, ни на минуту не переставала быть патриоткой Абхазии... При этом порой именно непрофессионализм, непосредственность характера помогали Жене в атмосфере царящей в грузинском стане анархии, неразберихи и ведомственных интриг спутать карты противника.

Все имена грузинских оккупантов и предателей народа Абхазии, пишет автор в предисловии к книге, оставлены в ней без изменения. А вот имена некоторых патриотов Апсны изменены: ведь борьба грузинских и абхазских спецслужб еще продолжается.

Этот снимок - из так называемых трофейных, сделанных в оккупированном Сухуме в войну 1992-1993 гг. Мы не знаем, кем, где и для чего он делался, но нам доподлинно известно, что ораторствующий на нем слева импозантный мужчина, и впрямь сильно похожий на Сталина, - это и есть полковник Кобаладзе. Где он сейчас? По-видимому, там же, откуда в свое время приехал, - в Тбилиси.

ДЕЛОВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Жизнь Жени после последней поездки в Гудауту изменилась. С "мстителем" она виделась очень редко. Почти все время проводила в гостинице "Тбилиси" среди вновь прибывших офицеров грузинского спецназа и сванского батальона военной полиции.

Полковник Ушанги Кобаладзе, начальник следственного отдела военной прокуратуры, близкий сосед Жени, сидящий усач лет под шестьдесят, которого за внешнее сходство со Сталиным Женья иногда мысленно называла Иосифом Виссарионовичем, не отходил от нее ни на шаг. Он познакомил ее со своим родным братом, Ило Кобаладзе, прибывшим в гостиницу из Тбилиси с пополнением грузинского спецназа. Теперь они проводили все свободное время вместе: Ушанги, его брат, Женья и Светка Ахалая - любовница Кобаладзе.

У Жени с Ушанги Кобаладзе состоялся серьезный разговор.

- Так где же ты провела всю прошлую неделю? - спросил Ушанги.

- В Гудауте.

- Где?!

- В Гудауте.

- Ну, знаешь ли, Евгения!.. Постой, постой, а с тобой все в порядке? У тебя случайно температуры нет?

- Случайно нет.

- Тогда какого черта тебя занесло в Гудауту?!

- Я ездила туда, чтобы навести справки о своих друзьях.

- Зачем тебе это нужно?

- Как зачем? Скоро приедет Тамаз из Тбилиси. А он готовит меня к будущей работе разведчика. Мы с ним будем работать в военной разведке у генерала

Пааты Датуашвили. Скорее всего, меня забросят в тыл к абхазцам, в Гудауту. Поэтому я и готовлюсь заранее. Вот съездила в Гудауту, установила там связи.

Ушанги встрепенулся:

- Ну зачем тебе в таком случае ждать Тамаза? Еще неизвестно, приедет он или нет. И когда приедет? Командующий Сухумским фронтом генерал Датуашвили - мой хороший друг. Завтра я с ним поговорю, и мы все устроим. Ему нужны такие люди. Не каждый согласится на такой страшный риск.

Женья подумала, что страстное желание Ушанги погреть на этом деле руки вполне понятно. Ведь за сведения, которые, возможно, принесет Женья, он, Кобаладзе, мог бы получить хорошее вознаграждение. Но ей даже в голову не могло прийти, какую игру затеял с ней полковник.

С МАТРАЦАМИ...

НА ПАРТИЗАН

Вернувшись из города, Женья долго не могла понять, что происходит в гостинице. Все офицеры тбилисского спецназа и военной полиции со страшной злостью вытаскивали из своих номеров матрацы, подушки, одеяла и швыряли их в военные машины. За ними по пятам носился директор гостиницы Нинидзе и стонал:

- Господи! Что же вы делаете? Управа на вас нет!

Один из офицеров повернулся к нему и, будто видя его впервые, грубо спросил:

- А ты кто такой?

Нинидзе смешался:

- Как кто?! Я - директор этой гостиницы!

- Говно ты собачье, а не директор! Понял? Сегодня ты, может, еще и директор, а завтра я приду, выгоню тебя и сам стану директором! Понял?!

Женья в душе радовалась, что грузины так здорово проучили директора гостиницы. Еще недавно он страшно ругал своих сотрудников за то, что они понемножку снимали из номеров паркет и утаскивали его домой на дрова. Зато, когда солдаты стали буквально наголо очищать гостиницу от паркета, а его сотрудники возмущаться, директор грубо "успокоил" своих подчиненных:

- Ничего страшного! Солдатики мерзнут, пусть снимают паркет и греются!

Вот "солдатики" и устроили ему. Хороший урок получил директор.

А все-таки, что же произошло? Куда собирается уезжать грузинский спецназ? И почему они все ходят такие злые?

Женья подошла к брату Ушанги Кобаладзе:

- Ило, ты не можешь сказать, что случилось? Куда вас перебрасывают?

Ило хмуро посмотрел на нее и выругался:

- Шеварднадзе в Сухуми приехал! Это он приказал нас передислоцировать. Сказал, что мы здесь не воюем, а только мародерством занимаемся! Знаешь, куда он приказал нас загнать? В Очамчирский район! Партизан в лесах добывать. А то потом листья распусят, их уже из леса и не выгонишь.

- А матрацы для чего?

- А спать-то мы на чем будем?

Гостиница "Тбилиси" опустела. Из трехсот солдат и офицеров грузинской армии в гостинице осталось лишь человек сорок офицеров спецназа и столько же из сванского батальона военной полиции. Женья от всей души пожелала уехавшим грузинским воякам "счастливого" подорваться на минах.

КАПКАН

Однажды вечером, приблизительно через неделю после приезда Жени из Гудауты, полковник Кобаладзе вызвал ее к себе.

- Я сдержал свое слово, - сказал он. - Я разговаривал о тебе с генералом Датуашвили. Он согласен на все твои условия. Но прежде, чем принять тебя на работу в корпусную разведку, он должен тебя испытать.

- Что я должна делать?

- Ты поедешь в Гудауту и привезешь оттуда интересующие его сведения.

- Какие?

- Первое: где находится у абхазцев запасной аэродром? Второе: жив ли Ардзинба и где его резиденция? Третье: где находится абхазский генштаб?

- Хорошо, я привезу ему эти сведения. Единственное, что я от вас хочу: посадите меня на корабль, идущий в Сочи.

- Об этом можешь не волноваться. Это уже наши проблемы.

Знала бы Женья тогда, что не генерал Датуашвили послал ее в Гудауту, а... председатель информационно-разведывательной службы так называемой Автономной Республики Абхазия Юрий Кешелава! Он постоянно держал связь с полковником Кобаладзе. Женья никогда не вдавалась во взаимоотношения двух грузинских спецслужб: ИРС и военной

разведки. А зря! Она и предполагать не могла, какое соперничество, какая взаимная неприязнь сложились между ними в Сухуме. Иначе она бы поняла, что Кешелава, упустив ее, никогда не позволили бы ей перебежать к своим коллегам из военной разведки.

Была и еще одна немаловажная причина, заставившая председателя ИРС АРА Юрия Кешелава начать игру с Женей в кошки-мышки. Кошкой, разумеется, был он. Опытнейший контрразведчик Кешелава почти не сомневался в том, что Женя абхазская разведчица. Но как убедиться в этом? И тут подвернулся такой случай!

На следующий день полковник Ушанги Кобаладзе дал Жене троих офицеров из военной полиции Сосо Ахалая, и ее повезли на рыбзавод, чтобы посадить на сейнер "Месхи", который в тот же вечер отправлялся в Сочи. Они действительно посадили Женю на сейнер, переговорив с капитаном "Месхи". Но перед самым отправлением сейнера на борт поднялись представители морской военной полиции. Начальник этой полиции - Петр Глушко - без всяких церемоний снял Женю с судна. Она еще попыталась сопротивляться:

- Капитана сейнера предупредили, спросите у него!

Но капитан сейнера только руками развел:

- Это неправда. Никто мне ничего не говорил. Она села сама. Никакие военные ее не сопровождали.

Эта же картина повторилась и на следующий день, на российском пограничном катере, который забирал в Россию русских беженцев. Пользуясь своим российским паспортом, Женя, опять же в сопровождении военных - людей полковника Кобаладзе, договорилась с командиром корабля, что, как только начнется посадка, ее обязательно возьмут. Но увы! Посадку на российский пограничный катер производил тот же самый начальник военной полиции зловерный Петр Глушко. Увидев Женю, он тут же снял ее с корабля.

Женя разъярилась. Она пошла жаловаться на Глушко в штаб Сосо Ахалая, который располагался в санатории ЗаКВО. А тем временем российский катер ушел в море без нее.

Начальник штаба военной полиции страшно удивился:

- Ничего не понимаю: ахалаевцы сажают и ахалаевцы же снимают?!

Он взял у Жени документы и куда-то с ними уехал, оставив ее в штабе. Вернулся примерно через час и, отдавая документы Жене, сказал, хмуро и пристально глядя на нее:

- К сожалению, я тут бессилён что-либо сделать.

Вот так Женю, что называется, заперли в городе.

Расстроенная вконец, она вернулась к себе в гостиницу.

Женя не знала, что начальником следственного отдела военной прокуратуры полковником Ушанги Кобаладзе возбуждено уголовное дело по обвинению ее в военном шпионаже. И то, что с ней происходило, было следственным экспериментом. Все они: и сажающие ее на корабль, и снимающие с него, действовали по единому плану.

Они хотели ясности. Если Женя действительно абхазская разведчица, она обязательно найдет способ выехать в Гудауту - чтобы увезти туда донесение для абхазской военной разведки. И просле-

див ее путь, можно будет выйти на связанных с Гудаутой сухумских подпольщиков. Ну, а если предположить, что никакая она не разведчица, то после нескольких неудачных попыток сесть на корабль, идущий в Сочи, Женя бросит это занятие и останется в Сухуме.

ТРУДНАЯ ДОРОГА

В Гудауту Женя все-таки попала - через Батуми.

До Самтредии поезд добирался ровно сутки. Отправившись из Сухума в 12 часов дня, он в восемь вечера прибыл в Очамчиру, всю ночь простоял на станции, а когда рассвело, двинулся дальше. Одежда и матрасов в поезде не было, и легко было представить, что творилось с пассажирами ночью. Они в буквальном смысле слова примерзли к сиденьям.

На станции Сенаки в вагон зашли солдаты из отрядов мегрельского лидера Лоти Кобалия. Они шарили по сумкам пассажиров, обыскивали мужчин и проверяли у всех документы. Искали оружие и взрывчатку.

В Самтредию поезд пришел в 12 часов дня, и уже через час Женя ехала в Батуми на междугороднем автобусе.

На границе Аджарии их остановили и обыскали аджарские пограничники. Трасса в этом месте была перегорожена бетонными плитами и напоминала лабиринт. Аджарцы, как видно, тоже опасались нападения госсоветовских войск.

В Батуми Женя попала к вечеру, когда солнце уже садилось. Дойдя до морвокзала, она сразу же поняла, что спать сегодня ей явно не придется. У кассы толпилась огромная очередь. Порядковые номера все писали на ладошках, и она оказалась 623-й!

Эту бесконечную ночь в Батуми Женя запомнила на всю жизнь.

На морвокзале жгли костры. В ход шли всевозможные ящики, палки, картонные коробки, - в общем, все, что могли найти продрогшие пассажиры на мусорных свалках. Пекли картошку и пели под гитару песни. Женя то и дело бегала на причал посмотреть, не пришел ли теплоход "Михаил Светлов", отправляющийся завтра в Сочи. Знаменитое судно! На нем когда-то снимался всеми любимым фильмом "Бриллиантовая рука".

"Михаил Светлов" пришвартовался в три часа ночи. И сразу началась посадка пассажиров. Но, увы... На теплоход сажали только мешочников. Да и то, если они имели не меньше двадцати ящиков или мешков с мандаринами, орехами и прочими продуктами. За каждый такой ящик или мешок экипаж "Михаила Светлова" брал полторы тысячи рублей плюс стоимость билета за каждого пассажира - 7,5 тысячи рублей.

К семи утра, когда открылась касса, билетов в продаже осталось всего шесть! Если учесть, что желающих приобрести эти билеты было около тысячи, можно представить себе, что творилось у кассы. Людей давили, топтали, вышвыривали из очереди.

Женю так сжали со всех сторон, что она еле дышала. Полупустую спортивную сумку свою она выпустила из руки, но нагнуться и поднять ее уже не могла. Не могла она и залезть во внутренний карман куртки, чтобы достать деньги и паспорт. Шарфик упал с ее головы и больше она его не видела, он исчез навсегда. Какая-то женщина от страшной давки по-

теряла сознание, но этого даже никто не заметил: толпа продолжала держать ее в стоячем положении.

Женя не могла выбраться из бесновавшейся очереди. Она уже тоже готова была потерять сознание. И вдруг ее что-то приподняло, понесло и выбросило на причал - прямо к теплоходу "Михаил Светлов". Оказывается, возле кассы кто-то в панике крикнул: "Светлов" уходит!" - и тысячи ног устремились от касс к причалу.

На великое счастье Жени она была в числе первых, кто оказался у штурмтрапа теплохода. Посадку производил капитан судна вместе с полицией. На справку беженца, которую держала в руках Женя, ни он, ни батумские блюстители порядка не обращали никакого внимания. Их интересовали только деньги. Но отнюдь не такие, что были у Жени в зажатой руке - восемь тысяч рублей. Отчаявшиеся пассажиры совали в руки капитана теплохода куда большие суммы - 20, 30 тысяч. Но и из них сели на теплоход считанные единицы.

Штурмтрап убрали. Теплоход, дав три прощальных гудка, начал медленно отходить от причала. Бесновавшаяся до этого толпа неожиданно притихла и молча смотрела на уходящее судно. И в это мгновение все увидели, как чья-то фигурка в голубом тренировочном костюме одним прыжком перемахнула через береговое ограждение и, совершив головокружительный полет вниз, зависла на леерах уходящего судна. Толпа на берегу ахнула. Пассажиры теплохода тоже заволновались. Женя - а это, конечно, была она - висела, держась за веревочные леера руками и болтая в воздухе ногами.

Теплоход "Михаил Светлов", уже начавший было набирать ход вперед, вдруг резко остановился, дернулся, а потом сразу дал задний ход. Пока он снова швартовался к берегу, Женю затащили на теплоход находившиеся на корме пассажиры.

Судно пришвартовалось. Поднявшись на борт сотрудники полиции попытались было высадить Женю на берег, но не тут-то было! Она швырнула им в лицо все восемь тысяч рублей, что имела (кроме припрятанной мелочи), и пронзительно, на весь причал закричала:

- Не имеете права снимать меня с теплохода! Я их Сухуми! Беженка! Еду в Россию, к матери! Что вы от меня хотите?!

И слезы ручьями потекли по ее щекам.

Расчет Жени оказался верным. Разжалобившиеся пассажиры "Михаила Светлова" стали уговаривать полицию и капитана теплохода не высаживать ее на берег. Через полчаса "Михаил Светлов" уже уходил в открытое море, увозя с собой три сотни счастливых пассажиров, среди которых была и Женя. У нее на душе было особенно радостно. Еще бы! Совсем скоро она представит абхазскому командованию такие сведения, которые, возможно, спасут от гибели сотни абхазских бойцов. Только ради этого стоило перетерпеть все то, что она перенесла в последние дни.

ОБИДА

В Сочи "Михаил Светлов" пришел в девять часов вечера. Всю последующую ночь Женя просидела на железнодорожном вокзале, составляя всевозмож-

ные военные рапорты и донесения, которые завтра ей предстояло представить начальнику военной разведки полковнику Ажиба.

Это была уже вторая ее бессонная ночь. На теплоходе Жене тоже не удалось поспать: судно было переполнено, сидячих мест не оставалось и ей пришлось весь день простоять на ногах.

Утром следующего дня Женя уже находилась на пограничном посту Псоу и вскоре радостно взлетала на второй этаж Управления военной разведки в Гудауте.

Полковник Ажиба был занят, поэтому ей пришлось зайти к его заместителю Цугба. Это был довольно грузный, уже в солидном возрасте человек, майор по званию.

В кабинете майора сидел какой-то человек в гражданской одежде. Женя, влетев в кабинет на полной скорости, честно говоря, не заметила его. Она выложила на стол майора пачку сухумских газет, переписанные начисто военные донесения и радостно выпалила:

- А мы задание выполнили!..

И тут же осеклась под осуждающим взглядом майора Цугба. Оглянувшись, увидела в кабинете постороннего человека. Настроение ее резко упало. Она чувствовала, что виновата, и знала, что если об этом узнает полковник Ажиба, ей здорово попадет.

Полковник узнал. Но не в этот день, а чуть попозже.

Женю отправили на турбазу "Черноморец" и опять в 408-й номер. Там произошли изменения. Нафисет - врач-терапевт, доброволец из Майкопа, вернулась к себе в Адыгею. К Вале-турчанке приехал муж из Сухума и теперь жил на месте Нафисет. Раненый отец Лены - военной медсестры - уже шел на поправку, и в недалеком будущем Лена вместе с отцом должна была выехать в Ткуарчал.

В первый же день своего пребывания в "Черноморце" Женя сильно повздорила с Вале-турчанкой. Валя, размахивая руками, кричала Жене, что та - грузинская шпионка, ездит туда-сюда и передает грузинам сведения про абхазцев. Что могла сказать ей в ответ Женя? Чем оправдаться?

- Валя, придет время, и ты глубоко раскаешься в своих словах! - с душевной болью сказала, наконец, Женя. - Ведь ты ничего обо мне не знаешь! Как ты можешь так скоропалительно судить?

- А мне и не надо о тебе все знать! И так весь город только и говорит... А ты что, сама не замечаешь? К кому бы ты ни подошла, все сразу прекращают свой разговор и предупреждают друг друга: "Осторожно! При ней - ни слова! Она - грузинская разведчица!"

Да, многое может выдержать человек, но самое страшное - когда тебе не верят люди, ради которых ты рискуешь жизнью...

Женя надеялась отдохнуть в Гудауте суток так трое-четверо. Но уже на следующий день, когда она вернулась в "Черноморец" из парикмахерской, за ней пришел Адгур, ее постоянный курьер, и сказал свое обычное:

- Шеф вызывает!

Женя спокойно прошла в кабинет Эдуарда Ажиба. И уже через минуту сидела пунцовая, как рак. Во-первых, ей сильно попало за то, что она разговаривала у майора при посторонних.

- Простите, - вспыхнула Женя. - Но я не заканчивала никаких специальных учеб-

ных заведений для работы в разведке!

- Сейчас война! А в учебных заведениях будем заниматься после... И тут не надо было иметь много ума...

Полковник Ажиба словно впечатывал слова в Женю. Но больше всего ее взбесило, что он поставил под сомнение привезенную ею информацию о военных объектах на грузинской стороне. А ведь это был кропотливый и далеко не безопасный труд всего отряда "Мститель"!

Убеждать начальника военной разведки в том, что он ошибается, было бесполезно: его уже понесло.

- Ты приносишь дезинформацию!

Женю это больно задело:

- Я что, враг своего народа? Так выходит?

Ажиба понял, что перегнул палку.

- Я же не сказал, что ты делаешь это сознательно...

- Если я совершила ошибку в кабинете вашего заместителя, накажите меня! Но при чем здесь мои донесения?

- Ошибка в том, что ты здесь! Можешь вообще больше сюда не приезжать!

Эти слова страшной занозой вонзились в сердце Жени. Глядя неприязненно на полковника, она сказала:

- Да, я специально добиралась сюда из Батуми, двое суток не спала, чтобы привезти вам дезинформацию! Больше мне, наверное, делать было нечего!

У Жени резко упало настроение. Ей мучительно захотелось встать и выйти из этого кабинета! Уйти навсегда и больше никогда сюда не возвращаться!

А полковник как ни в чем не бывало продолжал:

- Значит, тебя прислала грузинская разведка, так?

- Так.

- Теперь слушай меня внимательно. Первое: абхазский запасной аэродром находится в Лыхны. Ты там была и видела дельтапланы. Второе: Ардзинба жив и здоров. Его резиденция находится в бывшем райкоме партии. Третье: абхазский генштаб находится во второй русской школе.

- Запишите, пожалуйста.

- Ничего записывать я не буду. Запомнишь так.

Глянув на часы, полковник встрепенулся:

- Где твои вещи?

- В гостинице.

- Как в гостинице?! Через десять минут вертолет! Пять минут тебе даю на сборы!

Женя как пуля вылетела из кабинета. А через минуту она под изумленными взглядами соседей по "Черноморцу" срывала с веревки на балконе свои мокрые, еще не высохшие вещи.

НА АЭРОДРОМЕ

Вертолет, в котором летела Женя, в тот день выполнял миссию по обмену военнопленными и заложниками между абхазскими и грузинскими формированиями. Кроме нее, в вертолете сидели пленники с сейнера "Гагра", которые страшно боялись, что вертолет собьют в воздухе. Попали они в плен вполне законно: грузинский сейнер "Гагра" шел из Сухума на Сочи, нарушил границу территориальных вод Республики Абхазия и был арестован абхазскими военно-морскими силами.

Летели над морем не более двадцати

минут. Когда приземлялись на сухумском аэродроме "Бабушара", многие из пассажиров перекрестились:

- Слава Богу, не подбили!

На аэродроме их уже встречали. Пассажирам вертолета было приказано никуда не расходиться с летного поля, пока за ними не придет машина. К Жене, как и к другим прилетевшим из Гудауты, подошли трое военных:

- Скажите, вы долго находились в Гудауте в плену?

- Я не была в плену.

- А что же вы там делали?

Женю очень смущала записная книжка в руках одного из них:

- Не надо ничего записывать! Вы все равно ничего интересного от меня не узнаете!

Военные переглянулись между собой, потом о чем-то переговорили на грузинском языке, затем двое отошли, а один остался:

- Я имею полное право знать все, что считаю нужным.

И показал свое служебное удостоверение сотрудника информационно-разведывательной службы (ИРС).

Женя быстро, не давая ему опомниться, спросила:

- Кто ваш начальник? Юрий Ильич Кешелава?

- Да.

- А его заместитель - полковник Сабаташвили?

- Да.

- Передайте им пламенный привет от Жени Любимовой. А сейчас, если вам не трудно, прошу отвезти меня с вещами в гостиницу "Тбилиси", а потом доставить к командующему фронтом генералу Датуашвили.

Сказано это было таким приказным тоном, что военный сразу подчинился.

К генеральскому корпусу машину работника ИРС не пропустили. К воротам КПП с внутренней стороны подъехала штабная машина генерала Датуашвили, и Женю пересадили в нее. Сотрудник ИРС уехал, а Женя прямым ходом поехала в генеральский штаб.

НЕ РОЙ ДРУГОМУ ЯМУ...

Жене повезло, она попала в штаб генерала прямо на построение. На площадке, возле корпуса, выстроились человек сто военнослужащих - личная охрана генерала. Женя цепким взглядом старалась запомнить все номера машин. В основном, здесь стояли черные "Волги" ГАЗ-24 с сериями ГРС.

- Вас тут никто не знает? - спросил Женю начальник пресс-службы генеральского корпуса капитан Сосо Маргишвили. Это он привез ее в штаб.

- Нет, я приехала сюда первый раз. - ответила Женя.

Они поднялись на второй этаж. Сосо обыскал Женю на предмет оружия. И только после этого предложил ей зайти в свой кабинет:

- Генерал временно отсутствует, но я могу вас выслушать.

Кабинет, куда привел ее Сосо, оказался Жене огромным. Длинный стол с бесконечным множеством стульев говорил о том, что в этой комнате, возможно, происходят всевозможные совещания.

Пока Женя рассматривала эту совещательную комнату, капитан приготовил для нее бумагу и ручку:

- Даю вам тридцать минут, изложите

все в письменном виде.

"Хорошо, что в письменном, - с облегчением вздохнула Женя, - а то начнет задавать вопросы, а я-то и в Лыхны не была ни разу".

Писать спокойно Жене не давали. В кабинет то и дело заходили старшие грузинские офицеры. Наконец, Сосо сжался и увел Женю в номер, где он жил. Там она в спокойной обстановке написала свое "сочинение":

"По вашему заданию сообщаю:

Первое: Запасной аэродром у абхазцев находится в Лыхны. Я видела сама тренировочные полеты дельтапланов.

Второе: Владислав Ардзинба жив и здоров. Я видела его.

Третье: Резиденция Владислава Ардзинба находится в бывшем райкоме партии. Здание оцеплено, стоит БМП и целый кортеж правительственных "Волг".

четвертое: Абхазский генштаб находится во второй русской школе. Там стоит оцепление, развернута радиостанция. Все, кто заходят, оставляют дежурному оружие."

Сосо Маргишвили все-таки задал Жене несколько вопросов: "Кто воюет на стороне абхазцев?", "Сколько получают наемники?", "Что находится в здании бывшей аптеки?"

Последний вопрос особенно удивил Женю:

- Как что? Наверное, аптека. Вы же мне не поручали это узнать, поэтому специально я это не узнавала. Но, если понадобится, я снова съезжу в Гудауту и выясню.

- Имеете ли вы свободный доступ к Ардзинба?

- Сейчас нет. Но если очень надо, я постараюсь.

- Так значит, вы утверждаете, что в Гудауту вас послал генерал Датуашвили? И об этом вам сказал начальник следственного отдела военной прокуратуры полковник Ушанги Кобаладзе?

- Так точно!

Маргишвили по телефону связался с полковником Кобаладзе и попросил его зайти к нему в кабинет.

Кобаладзе, увидев Женю у начальника пресс-центра генеральского корпуса, переменялся в лице. Черт возьми! Что делает здесь эта девка? Все его планы летят к чертовой матери!

Полковник Кобаладзе нервничал. Он предложил Жене подождать за дверью, а когда она вышла, начал уговаривать капитана отдать ему письменный отчет Жени о ее поездке в Гудауту и не ставить генерала Датуашвили в известность о столь "досадном недоразумении".

Сосо Маргишвили пошел навстречу полковнику и передал ему "донесение" Жени. А командующий Сухумским фронтом генерал Датуашвили тогда так и не узнал о "своей отважной разведчице".

На другой день Женя позвонила председателю ИРС полковнику Юрию Кешелава. Они хоть никогда и не виделись, но телефонными знакомцами были давно. Кешелава сам всегда снимал трубку.

- Добрый день, Юрий Ильич!

- Здравствуй, Женечка! Мы тебя из Сухуми не выпускаем, а ты уже из Гудауты вернулась? Здорово!

- А что, генерал Датуашвили уже все рассказал? Да?

- Да, да! Рассказал. Все рассказал. И сказал, что ты молодец! Генерал остался тобою очень доволен.

И Кешелава весело расхохотался. Наверное, ему было очень смешно. Но правильно говорят: "Хорошо смеется тот, кто смеется последним!"

ФИАСКО ПОЛКОВНИКА КОБАЛАДЗЕ

Женя каждый день ждала и не могла дожидаться, когда Кобаладзе придет со службы и скажет:

- Ну все, Женя, завтра идем к генералу Датуашвили. Он, как и обещал, зачислил тебя в разведку.

Но проходила неделя, вторая, третья, а Ушанги молчал как рыба. Однажды Женя не выдержала и спросила:

- Ну так что, Ушанги Семенович, когда мы пойдем к генералу?

Полковник замылся. Женя не отступала:

- Я что, зря на Гудауту ходила?! Жизньню рисковала?! Ничего не знаю! Я свое задание выполнила! Теперь очередь за генералом. Кровь из носа, а он должен выполнить свое обещание. Оклад - 20 тысяч рублей, сухой паек, бесплатный и беспрепятственный проезд в Сочи и обратно!

Ушанги молчал. Не мог же он объяснить Жене, что генерал Датуашвили ни сном, ни духом не знает о ней, что он, Ушанги, вместе с Юрием Кешелава обманули ее.

Ничего этого Ушанги, конечно же, Жене не сказал, а что-то записал на клочке бумажки и протянул Жене:

- Это телефон Сосо Маргишвили, начальника пресс-службы генеральского корпуса. Позвони ему, он тебе все скажет.

Полковник Кобаладзе, как видно, просто не знал, как ему выкрутиться. Капитан Маргишвили морочить голову Жене не стал и попросил ее передать Ушанги, чтобы тот больше не засвечивал его и не расшифровывал, а уж если сумел заварить кашу, то пусть сам ее и расхлебывает.

Женя только удивленно моргала глазами. Какая каша? Кто заварил? И почему ее должен расхлебывать Ушанги?

Когда она слово в слово повторила все это полковнику Кобаладзе, тот прямо в лице изменился. И уехал на службу, так ничего и не сказав Жене. А вечером раздраженно приказал ей больше не задавать ему подобных вопросов: генерал обманул ее, и он с этим ничего сделать не может.

Этот ответ Женю взбудоражил еще больше. Она считала, что для генерала обманывать простых людей - это более, чем недостойное занятие. И она решила сама сходить к генералу, чтобы выяснить, наконец, что же все-таки происходит.

...К Датуашвили Женя не попала: ее не пустили. Но зато к нему попало ее письмо, переданное через КПП штабной машиной.

И колесо закрутилось.

Полковника Кобаладзе вызвали к генералу. Обман раскрылся. Генерал был разъярен: какое Кобаладзе имел право от имени генерала, не поставив его даже

в известность, посылать в тыл противника непроверенного человека, подвергая риску и этого человека, и работу всей разведки!!! И куда делись сведения, принесенные этим человеком из Гудауты? Почему они не попали к генералу, если он "посылал" ее в разведку? И что теперь будут думать простые люди о нем, о генерале? Что он аферист и обманщик?

Кончилась вся эта история совершенно неожиданно. Женю генерал зачислил в корпусную разведку и прикрепил к ней зам. начальника корпусной разведки Валерия Ивановича Орлова. А полковника Кобаладзе припугнул, что теперь его самого пошлют в Гудауту на разведку. Будучи трусоватым, тот три дня ходил чернее тучи!

Подполковник Орлов перво-наперво запретил Жене иметь какие-либо дела с Ушанги Кобаладзе. Второе - договорились о встречах. Каждый день до одиннадцати утра Женя не должна уходить из дома: может прийти Орлов. Ну и, в третьих, разговор пошел по существу:

- Работать на радиостанции можешь?

- Нет.

- Что ж, научим. Мы забросим тебя в Гудауту прямо с нашей радиостанцией.

- Я не возьму ее.

- Почему?

- Потому что не пройду российскую таможню. Отберут, еще и арестуют!

- Ну, хорошо, об этом еще подумаем. Дальше, надо тебе придумать какую-нибудь легенду для абхазцев. Но об этом мы с генералом тоже подумаем. Говоришь, была добровольцем в абхазской гвардии?

- Да. Тренером рукопашного боя при штабе.

- Звание имеешь?

- Старший лейтенант.

- Как осталась в Сухуми?

- Отстала в августе от своих. С тех пор связи с ними больше не имела.

- Как ты думаешь, если мы тебя туда отправим, сможешь ли ты восстановиться на прежнем месте при штабе в своей должности?

- Не знаю! А разве это так важно? Разве нельзя просто устроиться в Гудауте на работу, а заодно работать и на вас?

- Можно, конечно, но при штабе ты нам нужнее.

- Хорошо, я постараюсь восстановиться.

Разговор с Орловым состоялся утром двенадцатого марта 1993 года. А в ночь с тринадцатого на четырнадцатое марта бомбардировщики, завесив "люстры" над захваченным грузинами городом, изо всей силы лупили по оккупантам пятисоткилограммовыми бомбами. В резиденцию командующего фронтом генерала Датуашвили попала одна их таких бомб и уложила насмерть сразу тринадцать человек. Не спас их и российский флаг, который до этого поднял генерал над своей резиденцией, словно символ трусости. И Женя, сжав кулаки и выжидательно смотря в ночное небо, шептала: "Бей его! Бей! Он обманывает! Там нет никаких российских частей! Бей его! Насмерть бей!"

А вокруг уже играли зарницы от разрывов множества снарядов. Начиналось очередное наступление абхазских войск на израненный, истерзанный и измученный их родной город Сухум.

Валерий ФЕДОРОВ

В ОБЪЯТИЯХ СПРУТА

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ
АБХАЗСКИХ И ГРУЗИНСКИХ
СПЕЦСЛУЖБ (1992-1993 ГГ.)

Выпуск II

Отрывок из повести "Мы - из "Мстителя"

В основу книги В. Федорова положены события, происходившие во время грузино-абхазской войны 1992 - 1993 гг. по обе стороны линии фронта. Краткое содержание повести таково. С первых же дней оккупации Сухума войсками Госсвета Грузии в столице Абхазии возникает небольшая подпольная группа, которая назвала себя "сухумский интернациональный партизанский отряд "Мститель". Возглавила ее главная героиня повести Женя Любимова (подпольная кличка "Комиссар Каттани"), среди членов группы были абхазка по кличке "Штирлиц" и армянин по кличке "Ландыш", абхазец "Котик", гречанка "Мамочка", русская "Бирюза" и украинец "Капелька"... Сочиняли и распространяли по городу листовки, как могли старались навредить оккупантам... Грузинским спецслужбам не стоило большого труда выйти на руководителя группы, тем более, что в работе "Мстителя" было немало наивно-романтического: ведь представление о подпольной работе члены группы имели исключительно по приключенческим книгам, кино- и телефильмам. И начинается "игра" этих

спецслужб с "Комиссаром Каттани", вот уже несколько лет по "ордеру" Сухгорсовета проживавшей в гостинице "Тбилиси". Майор грузинской армии Тамаз Цыбульский получает задание от местной информационно-разведывательной службы сблизиться с Женей и постараться завербовать ее. Легендарной разведчице времен первой мировой войны Мата Хари приходилось, как полагают многие, быть двойным и даже тройным агентом. Через нечто подобное пришлось пройти и Жене Любимовой, которая, впрочем, ни на минуту не переставала быть патриоткой Абхазии... При этом порой именно непрофессионализм, непосредственность характера помогали Жене в атмосфере царящей в грузинском стане анархии, неразберихи и ведомственных интриг спутать карты противника.

Все имена грузинских оккупантов и предателей народа Абхазии, пишет автор в предисловии к книге, оставлены в ней без изменения. А вот имена некоторых патриотов Аpsны изменены: ведь борьба грузинских и абхазских спецслужб еще продолжается.

"ЛЕГЕНДА"

Итак, Жене Любимовой предстояла новая интересная, хотя и очень рискованная поездка.

...Уже третий час без перерыва в кабинете заместителя начальника Управления военной разведки Республики Абхазия Беслана Адлейба бились вместе с Женей над разработкой ее легенды. Основные положения "легенды" были таковы.

По заданию грузинского генерала, командующего Сухумским фронтом Пааты Датуашвили Женя была послана в Гудауту со спецзаданием (что, в общем-то, соответствовало действительности) восстановиться в звании старшего лейтенанта полка внутренних войск Абхазии и устроиться где-нибудь военным тренером. На выполнение этого задания грузинское командование давало ей вполне определенный срок: месяц-полтора. Но Женя в этот срок не уложилась, так как была подвергнута неоднократным проверкам абхазских спецслужб - ведь лица, долго находившиеся после начала войны в Сухуме вызывают у них сильное подозрение.

- Расскажите подробнее об этих проверках, - попросил Беслан Адлейба, временно "исполняющий обязанности генерала Датуашвили".

- Ну, по-первых я находилась под неусыпным наблюдением службы безопасности. Все началось второго апреля, когда при переходе границы на посту "Псоу" пограничникам что-то не понравилось в моих документах. И они отвели меня в кабинет майора Заура Джения. Тот начал спрашивать, почему я до 31 марта находилась в Сухуме. Он никак не мог понять, что меня там держало.

- А действительно, что? - вмешался в "допрос" "Юрий Кешелава" - председатель информационно-разведывательной службы АРА (его роль исполнял начальник военной разведки РА полковник Ажиба).

- Три года до войны я жила в гостинице "Тбилиси"... И не хотела терять свою комнату.

- А почему именно в гостинице?

- Потому что меня, да и не только меня, а еще 22 семьи выселили из самовольно занятого нами дома по ул. Дзержинского, 4-а и переселили в гостиницу "Тбилиси" с последующей гарантией на получение квартир. Война застала меня в этой гостинице. С самого начала войны она была занята под штаб внутренних войск МВД Грузии.

- И что стало с мирными жителями этой гостиницы?

- Грузинское командование вышвырнуло из нее абхазцев, а грузинские семьи оставило.

- Почему же в таком случае тебя тоже не вышвырнули из гостиницы? Ведь, насколько нам известно, фамилия твоего отца - Ахуба! По отцу ты - абхазка!

- Совершенно верно. Но я выбила заколоченные двери своей комнаты, закатила истерику, грандиозный скак дал, полез-

ла под автомат. В конце концов, меня оставили.

- Ну, а потом? Ты не боялась оставаться в городе?

- Нет. Начальник штаба подразделения внутренних войск Грузии, который располагался в гостинице "Тбилиси", очень хорошо ко мне относился. Впоследствии мы полюбили друг друга.

- Да?! А фамилия его как?

- Цыбульский. Майор Тамаз Цыбульский.

- Хорошо. Продолжай. Как вы познакомились?

- Обыкновенно. Мы видели друг друга несколько раз в день. Он, как начальник штаба, присматривался ко всем посторонним, живущим в гостинице. Ну а мне тоже было интересно наблюдать за ним. Он такой видный, представительный мужчина...

- Скажи, Женя, только честно, он как мужчина сильный был? - спросил полковник Ажиба.

- Отвлекаетесь, "господин Кешелава"! Отвлекаетесь! Прошу вопросы не по существу не задавать. Только по делу.

Остановись, мгновение! Остановись! Еще не поздно что-либо исправить и повернуть время вспять! Еще не поздно!

А до рокового взрыва мины оставалось чуть более четырех суток. Через четверо суток Эдуарда Ажиба не станет.

...Полковник Ажиба прекратил "допрос". После десятиминутного перерыва его продолжили уже только замначальника управления военной разведки Беслан Адлейба и майор Джони Бутба (соответственно, "командующий Сухумским фронтом - генерал Датуашвили" и "начальник военной полиции полковник Сосо Ахалая").

Теперь вопросы задавал Джони Бутба, а Беслан Адлейба внимательно анализировал ответы на них.

- Итак, на посту "Псоу" тебя задержал майор абхазской службы безопасности и стал выяснять, что же именно тебя так долго держало в Сухуме и почему ты выехала оттуда только 31-го марта. Так?

- Так.

- Хорошо. Пошли дальше. Если ты полюбила грузинского офицера и в дальнейшем находилась под его надежным прикрытием, он - как понял из твоего рассказа майор - фактически содержал тебя, тогда зачем тебе вообще понадобилось уезжать из Сухуми? Ну и жила бы себе там дальше припеваючи. Ведь грузинские солдаты тебя не трогали. Что помешало?

- Майор Цыбульский подло обманул меня и бросил. Он оказался подлецом и негодяем, как и все оккупанты.

- Ты действительно так считаешь? Или это надо было сказать сугубо в интересах дела? - поинтересовался "начальник военной полиции полковник Сосо Ахалая".

- Нет, я вовсе так не считаю. Тамаза я очень люблю, как и он меня. И ему в голову никогда не приходило поступать со мной подло. Просто надо было убедить абхазского майора в том, что у меня была очень веская причина возненавидеть грузин и вернуться к абхазам. Измена Тамаза - лучший толчок к этому.

- Отлично. Итак, абхазский майор Заур Джения поверил тебе

и спокойно пропустил через границу?

- Ну, конечно, не совсем так. Он спросил, чем я занималась до войны. Я сказала, что имею звание мастера спорта. Спорткомитет Абхазии меня хорошо знает, так как я два года подряд возглавляла женскую сборную по самбо и дзю-до. Имею большое желание работать детским тренером. Услышав это, майор сдал меня на попечение Спорткомитету Республики Абхазия. Ну, а Спорткомитет буквально через несколько дней направил меня на работу детским тренером в поселок Пицунду, где живет много беженцев, в том числе и детей. Вот так я стала тренером.

Женя вопросительно посмотрела на Бутба и Адлейба, пытаясь по выражению лиц определить, правильно ли она излагает свою легенду. Джони одобрительно кивнул головой. Женя уже более уверенно продолжала:

- Спортзал наш находился в помещении плавательного бассейна, среди пансионатов с беженцами. Меня назначили старшим тренером объединения пансионатов. У нас было девять возрастных групп рукопашного боя и группы аэробики, футбола, плавания, волейбола и легкой атлетики. Спортзал работал уже на полную мощность, когда меня вызвали в Гудауту, в Спорткомитет республики, и предложили стать военным тренером Гагрского военного гарнизона.

В это время в кабинет, где шел "допрос", снова зашел полковник Эдуард Ажиба (или "полковник Юрий Кешелава"), "допрос с пристрастием" продолжался:

- Сколько было человек в военной спортивной группе?
- Восемь или девять. Кажется, девять. Подождите, я точно вспомню: ...девять!

- На тренировках вы уделяли больше времени самозащите или нападению?

- Нападению. Я им давала на отработку приемы на переломы рук, ног, на отбивание внутренностей, на убийство точными ударами.

- Назначение этой группы?

- Точно не знаю. Они мало разговаривали. Но насколько я поняла, готовилась диверсионно-разведывательная группа для заброски в грузинский тыл. Как потом выяснилось, их действительно забросили в Очамчирский район со спецзаданием.

- Кто старший группы?

- Амшь... По-абхазски "медведь". Недавно приехал из России, где служил в спецназе. Коренастый, плечистый, здоровый. По национальности - абхаз.

- Сколько времени ушло на их подготовку?

- Ровно две недели. Я приняла группу 14 июня, а выпустила 28-го.

- Почему на столь серьезную подготовку даете столь маленький срок?

- По законам военного времени. К тому же ко мне приходят ребята, ранее занимавшиеся рукопашным боем. Спортзал им нужен для того, чтобы привести себя в спортивную форму, вспомнить ранее изученные приемы. А для этого им вполне хватает и двух недель.

- Кто-нибудь инспектировал ваши тренировки? Я имею в виду военных...

- Да, конечно. И не один раз. Полковник Ажиба. Начальник военного разведуправления.

- Как он выглядит? Сколько ему лет?

- Ему 39 лет. Среднего роста, волос седоватый, курчавый. Зачесан назад. Лоб открытый, большой. Глаза серо-голубые с прищуром. Почти всегда ходит в военной форме. Походка стремительная, очень быстрая. Ходит, чуть наклонившись вперед. Закончил академию в Москве. И еще: он участвовал в боях за Гагру. Был ранен.

- Приезжая на тренировки, он беседовал с вами о чем-нибудь?

- Конечно. Он интересовался, как занимается группа. На втором или даже на третьем занятии он привез мне военное удостоверение тренера.

- За чьей подписью было удостоверение?

- Его подписал начальник Гагрского военного гарнизона Чирикбая.

- Ты его знаешь?

- Нет. Я его ни разу не видела.

- А он тебя?

- Вполне возможно. Меня многие в довоенной Абхазии знали как спортсменку.

- Почему ты решила вдруг срочно приехать в Сухуми? Разве ты не могла выйти на связь из Сочи?

- Могла. Но это была бы долгая история. А время не ждало. События в Абхазии разворачивались с молниеносной быстротой. Если бы я срочно не выехала в Сухуми, то не успела бы предупредить грузинское командование о надвигающейся опасности.

- Какой?

- 18-го июня 1993 года абхазские вооруженные силы получили

большое количество техники. Половину оставили в Пицунде, половину передали на Гумистинский фронт. Ее было так много, что техника шла целый день.

- Пицунда хорошо укреплена?

- Хорошо - не то слово! Стоит как крепость!.. Кроме получения этого оружия, меня насторожило и другое: все бойцы абхазских вооруженных сил были переведены на казарменное положение и отведены в специально предназначенные места. А 28-го июня 650 хорошо вооруженных абхазских боевиков ушли вверх по Бзыбскому ущелью. Я поняла, что на Сухуми готовится генеральное наступление с северо-востока и, если я не успею вовремя предупредить об этом грузинское командование, потом будет уже поздно. Абхазы возьмут Сухуми.

- Но как ты объяснишь свое отсутствие абхазам?

- А что им объяснять? Я отпросилась у своего военного начальства до 14-го июля поехать к матери в Краснодарский край. Меня отпустили. К 14-му июля, кровь из носа, я должна вернуться. Если не вернусь, абхазы считают меня дезертиром. Будут искать у матери. А когда не найдут, поймут, что я - грузинский разведчик.

- А почему ты обратилась к председателю ИРС? Ведь тебя посылал в Гудауту не он, а генерал Датуашвили!

- А разве мы делаем не одно и то же дело? Разве мы защищаем не одну и ту же Родину? Разве генерал Датуашвили и полковник Юрий Кешелава стоят по разные стороны линии фронта? Я не вижу разницы между ними. Разница-то, конечно, есть, но я думаю, в данном случае это не играет никакой роли.

- Ну как?.. - спросил майор Бутба у всех, участвовавших в "допросе", - "легенда" прошла?

- По-моему, прошла, - кивнул головой Беслан Адлейба. Можно отправлять.

Женя с облегчением вздохнула. Она страшно устала.

Оставалось совсем немного: отработать пути выхода из Сухума, получить деньги на предстоящие расходы, попрощаться с отделом и... вперед - и с песней! До свидания, Гудаута - здравствуй, Сухум!!!

В ПУТЬ

Денег Женя получила много. Очень много! По ее понятиям, конечно! Шла война. Другие люди и того не имели! А у нее целых семьдесят тысяч рублей! Целое состояние!

Путей отхода из Сухума отработали два:

1. Самолетом Сухум-Адлер;

2. Морем через Батуми;

Перед уходом на задание Женя не чувствовала никакой особой тревоги. А зачем волноваться? "Легенда" есть, деньгами снабдили. Правда, от сухого пайка она отказалась: кто знает, в какую ситуацию попадет! Может, убежать придется: куда потом мешок с продуктами девать? Жалко ведь выбрасывать!

Кажется, все учли, все предусмотрели. А майор Бутба еще долго сидел за столом, глубоко задумавшись. Женя осторожно тронула его за плечо:

- Джони, Джони, очнитесь!

Бутба вздрогнул, потер виски ладонями и глубоко вздохнул.

- Знаешь, Женя, какая ответственность сейчас на меня ложится? Кроме тебя, я на днях отправляю в разведку еще пятнадцать человек. И за каждого отвечаю головой. Не дай Бог, с кем-нибудь из вас случится несчастье, я пойду под трибунал. Я, конечно, стараюсь предусмотреть все заранее, предварительно рассчитываю все ходы противника. И все-таки!.. Кто знает, что стукнет в голову Сосо Ахалая или Юрию Кешелава? Может, они тебя и слушать не станут. А сразу поведут на расстрел! Знаешь, как для меня тяжело все это переживать?!

Да, майор Бутба был абсолютно прав, сказав, что предугадать, как будет вести себя противник, практически невозможно. Операция по заброске Жени в Сухум с треском провалилась. Провалилась именно из-за непредсказуемого поведения председателя ИРС Кешелава. Но об этом чуть позже.

В АЭРОПОРТУ

Адлерский аэропорт встретил Женю, как это обычно бывает в летнее время, страшной суетой. Одни пассажиры улетали, другие прилетали, третьи томились в ожидании задержанных рейсов.

На сухумские рейсы билетов не было. Как и не было самих вылетов на Сухум. Надо же было такому случиться: как раз сегодня, второго июля 1993 года, когда Женю отправляли на столь ответственное задание, в районе боевых действий произошло что-то сногсшибательное, вследствие чего в Сухуме моментально было объявлено чрезвычайное положение и аэропорт "Бабушара" тотчас же закрыли для всех видов воздушного транспорта.

В аэропорту уже собралось около ста человек, желающих

вылететь в столицу Абхазии. И все они были в страшном недоумении и волнении: что же такое могло произойти в зоне боевых действий? Неизвестность мучила всех, узнать же правду было нелегко: по телевидению и радио ничего про Абхазию не передавали, а телефонная связь с Сухумом прервалась.

Поехав на центральный переговорный пункт Сочи, Женя надеялась, что военные служебные телефоны в Сухуме все же работают; ведь их отключают только в особо экстренных случаях. Так оно и было. Женю соединили из Сочи с телефоном председателя информационно-разведывательной службы в Сухуме Юрия Кешелава. Правда, сам Кешелава к телефону не подошел, но зато трубку снял один из его заместителей. Женя намеками, как могла, попросила передать полковнику, что едет из Сочи в Сухум с очень важной информацией. Если не сможет вылететь напрямую, будет добираться через Батуми. Пусть встретят. Она продублировала этот разговор телеграммой.

Просидев в аэропорту вместе с другими пассажирами сутки, Женя не на шутку испугалась: в вечерних новостях по Российскому телевидению передали, что в Очамчирском районе высажен абхазский десант, в связи с чем в Сухуме объявлено чрезвычайное положение, аэропорт "Бабушара" закрыт, а на Батуми из-за сильных боевых действий в Очамчирском районе временно прекращены морские рейсы пассажирских судов.

Итак, через Батуми Жене в Сухум не пробиться, не говоря уже о прямых полетах Сочи - Сухум. Что же делать? Под угрозой оказалось выполнение задания абхазского командования.

Женя срочно вернулась назад, на пост "Псоу", доложила в Гудауту обстановку. Получив приказ возвращаться в аэропорт и выполнять задание, она со вздохом подчинилась.

Ей пришлось срочно отбивать Юрию Кешелава вторую телеграмму, на этот раз с просьбой обеспечить ее проводку Сочи-Сухум:

"Жду вашего представителя у кассы Адлерского аэропорта 5 июля сего года в 10 часов утра для обеспечения прохода на Сухуми".

Отправила она телеграмму и Тамазу Цыбульскому в Тбилиси: "Все сделала, возвращайся в Сухуми. Я буду там находиться всего неделю. Если не сможешь приехать, свяжись по телефону с Юрием Кешелава."

А на календаре было уже третье июля 1993 года. Деньги у Жени таяли в аэропорту с необычайной быстротой. О какой экономии можно было говорить, если тарелка супа здесь стоила 500 рублей! А за разовый вход в туалет брали по 25 рублей! Женя уже пожалела, что не взяла в Гудауте сухой паек. Как бы он ей пригодился здесь, в аэропорту!

Она перезнакомилась уже почти со всеми, кто желал вылететь на Сухум. Были составлены длинные списки. Большинство улетающих в Сухум были мегрелы и армяне. Очень маленькую часть составляли грузины и русские. Абхазов не было ни одного.

Все сухумцы собирались отдельно от остальных пассажиров. Ночевали тут же, в аэропорту. Все с огромным вниманием следили по телевизору за событиями, развивающимися в Абхазии. Уже ни для кого не было секретом, что в селе Тамыш Очамчирского района был высажен абхазский морской десант.

Женя с большим интересом наблюдала за реакцией улетающих в Сухум на события в Абхазии. Реакция была однозначной: все они "болели" за грузин.

Из всех своих новых знакомых Женя особенно выделила двух женщин. Одна из них - русская, по имени Валя - работница Бабушарского аэропорта, а заодно и внештатный сотрудник сухумской информационно-разведывательной службы. Узнав об этом, Женя утащила ее в самый дальний уголок аэропорта и под большим секретом рассказала ей свою "тайну":

- Валечка, родная моя, я знаю, ты патриот своей Родины, поэтому надеюсь на твою помощь!

У Вали округлились глаза.

- А что случилось? - шепотом выдохнула она.

- Видишь ли, - так же шепотом ответила Женя, - в Сухуми меня ждет генерал Датуашвили, командующий Сухумским фронтом.

- Да-аа?! - расширились еще больше огромные глаза Валентины.

- Да. По его заданию я находилась в Гудауте более трех месяцев. Сейчас имею срочную и очень важную информацию военного значения. Если я не смогу вовремя попасть в Сухуми, то абхазцы сравняют город с землей.

- А чем я смогу тебе помочь? Ведь на Сухуми вылеты всех гражданских и боевых самолетов запрещены до особого распоряжения.

Валя, я напишу записку для Юрия Кешелава. Если ты попадешь в Сухуми раньше меня, то передашь ему. Хорошо?

- Хорошо.

Женя быстро набросала на небольшом клочке бумаги:

"Уважаемый Юрий Ильич!

Я сделала все возможное, чтобы вовремя попасть в Сухуми.

Но, к великому сожалению, не смогла. Я несу очень важную информацию но передавать через чужие руки не могу. Пожалуйста пришлите своего связного в поселок Пицунда, пансионат "Маяк" N 703 (или спортзал бассейна объединения пансионатов курорта Пицунда). Сейчас я работаю старшим тренером Гагрского военного гарнизона: готовлю разведывательно-диверсионные группы для заброски в грузинский тыл. Имею воинское звание - старший лейтенант. Жду ваших связных. С уважением Любимова Женя."

Валя, внимательно ознакомившись с запиской, кивнула и спрятала ее подальше. Теперь в аэропорту они держались вместе. Вскоре к ним примкнула еще одна женщина, соседка Жени по Сухуму. Она жила на улице Маяковского, 3. От нее-то Женя и узнала последние новости:

- Гостиница "Тбилиси" сама по себе целая, не разрушена. Но внутри ее погуляли снаряды. А твоя соседка - Тоня Амичба-Гумба жива и здорова, живет в своем же доме. Дом, что напротив нее, сгорел от прямого попадания снаряда.

И еще одну "подругу" заимела Женя: грузинку, молодую сухумчанку.

Итак, из всех 87 пассажиров, вылетающих на Сухум, она выбрала себе в "друзья" троих, причем все трое были яркими сторонниками грузинского оккупационного режима, на них можно было положиться в самом Сухуме. Женя уже подготавливала себе почву на случай провала в Сухуме. В таком случае ей придется прятаться от военной полиции или скрываться от вездесущих ищек Юрия Кешелава, а лучше, чем в грузинских семьях, это не сделаешь. Она щедро одаривала своих новых "друзей" конфетами и шоколадом. Все трое наперебой предлагали Жене свое жилье в Сухуме и помощь.

Грузино-абхазская война чувствовалась и здесь, на российской территории, в аэропорту Адлер. В разных концах аэропорта то и дело раздавалась то грузинская, то абхазская речь, а после телевизионных выпусков новостей вспыхивали страшные споры, доходившие чуть ли не до рукопашной. В залах ожидания жили беженцы из Сухума. Целыми семьями, имея по пять-семь детей. Жили уже давно, с февраля месяца. Вся жизнь их была как на ладони, открыта любопытным глазам постоянно меняющихся пассажиров. Их дети попрошайничали в кафе, автобусах, забегаловках. Бывало, и воровали. Беженцы каждый день стирали белье и развешивали его тут же, протянув между сиденьями веревку. И непонятно было, к какой национальности принадлежали эти люди. Но Женя не могла и мысли допустить, что это - абхазские семьи. Она знала, как заботится Абхазия о своих беженцах: их поселяют в комфортабельные пансионаты Пицунды, Гудауты, Гагры, обеспечивают трехразовым бесплатным питанием, выделяют гуманитарную помощь. Нет, беженцы, живущие в аэропорту города Сочи - вовсе не абхазцы. Но и не грузины. Они так радовались, когда узнали, что в Очамчирском районе высажен морской десант!

Вот такая жизнь была у Жени в Адлерском аэропорту. Приближалось 5- июля.

НОКАУТ

5-го июля 1993 года, в 10 часов утра, Женя подошла к справочному бюро аэропорта. Интересно, придет кто-нибудь на встречу с ней от генерал-майора Юрия Кешелава? И если придет, то как они узнают друг друга?

Возле справочного бюро крутилось много людей. Прилетела большая группа врачей-добровольцев: их дальнейший путь лежал в Гудауту. Чуть в стороне от них расположилась еще одна большая группа пассажиров: они составили список на коммерческий рейс в Тбилиси. В этой группе находился и бывший участковый гостиницы "Тбилиси" города Сухума, капитан милиции Мэлор Дадвани, житель города Зугдиди. Почти всю войну он находился в России, а сейчас возвращался домой. Увидев Женю, он очень удивился и обрадовался, подошел к ней и попытался завязать беседу. Но Женя, побоявшись пропустить нужного ей человека, буркнула что-то вроде: "Прости, у меня нет времени, я спешу", быстро отошла от него и смешалась с толпой. Затем она подошла прямо к окошечку справочного бюро, чтобы спросить, не искал ли ее кто-либо, и только открыла рот, как впереди стоящий мужчина сказал:

- Девушка, объявите, пожалуйста, чтобы Любимова Женя подошла к...

Он не успел договорить, куда надо подойти Любимовой Жене, как сама Женя дернула его за рукав:

- Простите, Любимова Женя - это я.

- Вы?!

Они с трудом выбрались из тесной толпы и вышли на свежий воздух. "Резидент" - так прозвала его мысленно Женя - был высокого роста, плечистый, здоровый и крепкий мужчина. Очень симпатичный и с пышными волосами, зачесанными назад. На вид

ему было лет 48-50. Представительный мужчина. И, как показалось Жене, большой любитель женщин. О себе он рассказал немного.

- Меня зовут Юра. Я заказчик. Жду свой заказ из Сухуми. В Бабушарском аэропорту уже шестые сутки стоит самолет с моим грузом, чаем. Каждый день, а иногда даже и по два-три раза в день, я по служебному телефону выхожу на связь с аэропортом Сухуми. Обычная телефонная связь с Сухуми, в связи с боевыми действиями на Очамчирском фронте, как вы понимаете, прервана. Вчера через аэропорт со мной на связь вышел генерал-майор Юрий Кешелава. Он попросил помочь вам переправиться в Сухуми.

- И когда мы вылетаем? У меня очень срочная информация. Задержка ее даже на один час может стоить многих и многих жизней.

- Понимаю. Но дело в том, что Бабушарский аэропорт закрыт. Со стороны Адлера в Сухуми попасть просто невозможно. Вам придется лететь через Тбилиси.

- Почему "вам"? А вы разве не полетите?

- Нет. Я заказчик. Жду свой груз. Моя задача - помочь вам здесь, в Сочи, сесть на самолет, улетающий в Тбилиси. Там вас встретит наш человек и доставит на военный аэродром. В Сухуми вы прилетите военным самолетом.

...Когда Жене пришло время попрощаться со своими новыми сухумскими "друзьями", те в нее вцепились "руками и ногами":

- Зачем тебе понадобилось лететь через Тбилиси? Ты застрянешь там еще на месяц, если не больше. Подумаешь, пару дней в Сочинском аэропорту просидела! Да лучше здесь сидеть, чем по Тбилиси мыкаться! Кому ты там нужна? Случись что - и помочь будет некому!

Одна только Валентина, которой Женья оставила записку для Юрия Кешелава, сказала:

- Не трогайте ее, девочки! У нее срочное дело!

...Женья как будто что-то предчувствовала. Вся ее душа была против этого рейса. Она, как могла, тянула волынку. На регистрацию билетов встала последней, надеясь, что места в самолете для нее не хватит. Но ее сопровождающий о чем-то мило побеседовал с работниками пропускного таможенного пункта аэропорта, и они тотчас же посадили Женью в самолет.

И вот она уже в воздухе. Маленький Як-40 то и дело ныряет в воздушные ямы. Раздается дружное "ух!!!", а потом - вздох облегчения. Но не этого больше всего боятся пассажиры. Страшнее всего для них - абхазские ракеты "земля-воздух".

Наконец, линия фронта осталась далеко позади. Все успокоилось. И только на душе у Жени не улеглась тревога. Чего греха таить, ей было очень страшно. Сердце холодело от ужаса: а что будет, если грузины ее расшифруют? У нее в кармане военное удостоверение старшего лейтенанта абхазских Вооруженных сил. А если ее обыщут? И обыщут вовсе не те военные, для которых предназначено это удостоверение. Что тогда? Ведь не будешь на каждом повороте кричать, что ты - грузинский разведчик и выполняешь особое задание командующего Сухумским фронтом генерала Датушвили?! А не объяснишь этого - расстреляют! Вот и получается, что, быть может, она сейчас летит навстречу своей смерти.

Надо сказать, что у Жени бывал какой-то особенный страх. Он приходил только тогда, когда она находилась одна на один с собой, со своими мыслями. Но в момент опасности, когда она стояла лицом к лицу со своими врагами, этот страх отступал. И тогда Женья абсолютно спокойно шла на такой риск, что потом только диву давалась: а она ли это была, а ее ли это поступки?

Маленький Як-40 заходил на посадку. Женья с тревогой всматривалась в огни ночного Тбилиси. Что ждало ее здесь, в чужом, враждебном ей городе, в этом поистине волчьем логове?!

Когда пассажиров наконец-то пригласили к выходу, Женья набрала полную грудь воздуха, зажмурила глаза и шагнула на трап.

Вот так, с закрытыми глазами она и угодила прямо в объятия... Дато Сабаташвили.

Вот это был удар!

В ОБЪЯТИЯХ СПРУТА

Очнувшись она уже в машине полковника Дато Сабаташвили, что стояла у подъезда гостиницы Тбилисского аэропорта. Когда к Жене вернулась способность соображать что-либо, то первое, о чем она подумала, было: "Откуда здесь, в Тбилиси, появился полковник Сабаташвили? Ведь он же зампреда инфор-мационно-разведывательной службы в Сухуме!"

А полковник, увидев, какое впечатление произвело на Женью его неожиданное появление в аэропорту Тбилиси, у самого трапа самолета, остался необычайно доволен.

Увидев, что Женья наконец-то пришла в себя, он снисходительно сказал, крепко притянув ее к себе за плечи:

- Не бойся ничего. Ты находишься под моим покровительством.

Он взял у Жени паспорт, и они вместе прошли к дежурному администратору гостиницы аэропорта.

- Я из штаба, - коротко бросил он. - Устройте мою подопечную в хороший номер до утра. Завтра в девять я ее заберу.

И, не объясняя больше ничего ни дежурному администратору, ни самой Жене, он вручил ей ключ от номера, пожелал всем спокойной ночи и молча удалился, оставив Женью в полном недоумении. Паспорт ее уехал вместе с Дато.

Оставшись одна в пустом номере гостиницы, Женья опять впала в полную растерянность. Разум ее отказывался что-либо понимать. Думая о чем-то постороннем, она делала все наоборот, шиворот-навыворот. Так, подойдя к администратору перед тем, как идти в номер, она спросила:

- Ванна в номере есть? Я пять суток по вокзалам скитаюсь.

- Ванна то есть, да вот лампочки ни в номере, ни в ванной нет. Как купаться то будешь?

- Ничего, я в коридор дверь открою. Думаю, что света хватит. Оглушающий хохот потряс стены администраторской. Дежурные от смеха чуть ли не по полу катались:

- Дверь в коридор откроешь?! А сама в ванной мыться будешь?! Посмотрим, как это у тебя получится!!

Странно, но этот дикий хохот наконец-то привел Женью в чувство. Более или менее она успокоилась.

Дежурные нашли ей все же лампочку для ванной, и она, к своему огромному удовольствию, долго плескалась в ванной.

Уснула она мгновенно. Так сильно вымотали ее последние дни.

Разбудил ее яркий солнечный свет, брызнувший прямо в глаза. Она не сообразила сразу, что находится в Тбилиси, повернулась на другой бок и опять заснула. Ох и сладко спалось ей после недельной вокзальной жизни!

А в девять утра уже стояла внизу у телефонного автомата, пытаясь дозвониться Тамазу Цыбульскому на службу.

Помешал ей полковник Сабаташвили. Она не видела, когда он подошел к ней сзади. Только почувствовала, как он властно нажал на рычаг телефона и взял ее за руку:

- Потом позвонишь! У тебя еще будет время для этого. А сейчас надо ехать!

...Они мчались по трассе со страшной скоростью.

- Куда мы едем? - обеспокоенно крутилась на сиденье Женья.

- На военный аэродром. Через полчаса ты полетишь в Сухуми.

Обеспокоенность Жени росла с каждой секундой. Никаких намеков на военный аэродром по пути не было! Наоборот, они уже ехали по улицам Тбилиси!

Дато резко остановил машину у небольшого здания возле вокзала. Вывески на входной двери не было.

- Что это? - уже с испугом спросила Женья. - Дато, куда вы меня привезли?

- Надо оформить кое-какие бумаги. Пустые формальности. Не пройдет и пятнадцати минут, как мы отправимся на военный аэродром.

- Вы пойдете один оформлять бумаги? Или мне тоже нужно идти вместе с вами?

- Ты пойдешь со мной. Как же я тебя здесь одну, в чужом городе, оставлю? Вместе зайдем, вместе и выйдем.

Женья вышла из машины. Ноги ее не слушались, прямо-таки подкашивались от страха. Огромным усилием воли она заставила себя успокоиться. Но от взгляда полковника Сабаташвили, очевидно, не ускользнуло состояние Жени. Глядя на нее, он, как ей показалось, довольно усмехался в свои черные тараканьи усищи.

Входная дверь за ними с грохотом захлопнулась. У двери сидели двое часовых. Не надо было быть асом разведки, чтобы догадаться, куда привез Женью полковник Сабаташвили. Что и говорить, в планы Жени вовсе не входило попадать в руки ин-формационно-разведывательной службы Грузии. Поэтому она сосредоточенно думала, что будет говорить на допросе.

Полковник Сабаташвили привел ее к начальнику отдела ИРС Грузии Тамазу Чуткерашвили. На столе у того лежала папка с грифом "Секретно" на русском языке.

Женью, по-видимому, здесь уже давно ждали. Начальник отдела - Тамаз Чуткерашвили - молодой, круглолицый, лет 35-ти, чуть выше среднего роста, с зачесанными назад волосами мужчина пригласил Женью сесть.

- Вы с Иоселиани знакомы? - поинтересовался он.

- С Жабой, что ли? - Женья, выросшая в России, так и не привыкла выговаривать звук "дж".

- Ну, во-первых, не с Жабой, а с Джабой, а во-вторых, я не о нем спрашиваю. Вы до войны председателя КГБ Абхазии знали?

- Не имела такой чести.

- Ну так сейчас она вам предоставится. Покажите, что у вас в сумке?

- Ничего особенного.

Жене вывернули все карманы, заставили открыть сумку. Оружия, которое у нее искали, конечно же, не нашли: его у Жени не было.

Под усиленной охраной ее повели в кабинет Автандила Иоселиани - зампреда информационно-разведывательной службы Грузии.

Кабинет Иоселиани был большой. Первое, что бросилось Жене в глаза - огромная карта Абхазии, висящая на стене у самого входа. От двери до самого стола тянулась красная ковровая дорожка. Стол был массивным, в виде буквы "Т".

Женю посадили сбоку от Иоселиани. Рядом с ней уселся Тамаз Чуткерашвили. Он был одет по-граждански, поэтому Женя никак не могла понять, кто он по званию.

Напротив Жени и Тамаза Чуткерашвили примостился полковник Дато Сабаташвили.

ПОЕДИНОК

Иоселиани медленно встал из-за стола. Он был огромен по сравнению с Женей. Высокий, плотный, симпатичный, с черными и большими внимательными глазами, аккуратно подстриженными усами и в безукоризненной белой сорочке - он был на вид само воплощение добропорядочности и респектабельности.

Глядя не мигая в глаза своего врага, Женя четко и раздельно произнесла:

- Я требую немедленно соединиться по телефону с Сухуми, с командующим фронтом генералом Датуашвили! В противном случае я категорически отказываюсь отвечать на ваши вопросы!

Иоселиани пожал плечами:

- Я не обязан этого делать. Генерал Датуашвили не имеет к ИРС никакого отношения. Военная разведка и мы - это две совершенно разные структуры.

- В таком случае, прошу доставить сюда майора внутренних войск МВД Грузии Тамаза Цыбульского. Все, что я вам здесь расскажу, может подтвердить только он.

- Ну что ж, за майором Цыбульским послать можно. Тем более, что нам самим интересно, что же ты нам расскажешь! Но привезут его только к вечеру. Так что беседовать нам придется пока без него. Договорились?

- Хорошо, я согласна.

- Смотрите, она, оказывается, согласна! Находится в таком положении, висит на волоске и... "я согласна"! А куда же ты, интересно, денешься, если будешь даже и "не согласна"? А? - расхохотался Иоселиани.

За ним покатались от смеха и его прихвостни. Чувствовалось, что они ожидали от всего этого веселого представления.

При всеобщем безмолвии Иоселиани рассматривал паспорт Жени. Женя никак не могла понять, что же в ее паспорте не нравилось Иоселиани. Она молча ждала, что будет дальше.

А дальше произошло неожиданное. Швырнув паспорт Жени на стол, Иоселиани неожиданно заорал:

- Говори, где взяла этот документ?!

Его голос, словно громовой раскат, расколол тишину.

- Это мой паспорт! - удивилась Женя.

- Твой?! Ты говоришь, твой?! Посмотрите-ка на нее! Врет и не краснеет!

- А в чем, собственно, дело?! - взорвалась Женя. - Чем перед вами провинился мой паспорт?

- Значит, ты продолжаешь утверждать, что это все-таки твой паспорт?

- Да, мой!

- Но ведь ты же не Любимова, разве не так?! - понизив голос почти до шепота, сказал Иоселиани. - Да, ты не Любимова! Это я знаю точно! Я встречался с нею лично и хорошо с нею знаком! Ты - не Любимова!

Женя вскочила на ноги и застыла на месте, не в силах вымолвить ни слова. Что угодно она ожидала услышать в этом кабинете, но только не это!

Иоселиани, с презрением окинув ее взглядом, добавил:

- Где ты, а где Любимова! Она - огонь! Бой-баба! Сорви-голова! А ты... хлюпик какой-то. Ох, и далеко тебе до Любимовой!

Женя наконец-то пришла в себя. Заикаясь и с трудом выговаривая слова, она спросила:

- Е-е-если я н-н-не Л-л-любимова, тогда к-кто же?!

- О-о-о!!! А об этом ты нам сама расскажешь! Нам будет очень интересно тебя послушать!

- Но я действительно Любимова!

- Сомневаюсь. Ну ладно, оставим этот вопрос пока в покое. Ты нам лучше вот что скажи: что ты потеряла в Сухуми? Почему ты так упорно стремишься туда попасть? И каким путем ты это собираешься сделать? Ведь в Сухуми объявлено чрезвычайное положение и все пути туда закрыты!

- Я надеялась на помощь Юрия Кешелава. У нас с ним были

довольно неплохие отношения.

- Интересно, а каким же образом он смог бы тебе помочь?

Если не секрет, конечно.

- Не секрет. Я надеялась, что он мне даст своего сопровождающего, который мне обеспечит проводку Сочи-Сухуми.

- Ну и как? Дал он тебе сопровождающего?

- Дал, конечно. Только не в Сухуми, а прямым ходом к вам, в Тбилиси. Да еще под таким конвоем!..

И Женя с неприязнью покосилась на Дато Сабаташвили:

- Как будто я какой-то преступник, опасный рецидивист! Или и того хуже! А я-то всего-навсего хотела встретиться в Сухуми с генералом Датуашвили и доложить ему о выполнении его задания.

- Какого задания?

- 31 марта он отправил меня в Гудауту, чтобы я устроилась на службу при штабе в должности военного тренера. Я выполнила его задание. Я стала военным тренером при Гагрском военном гарнизоне, и теперь мне нужно доложить об этом командующему Сухумским фронтом генералу Датуашвили и получить у него новое задание. Ну, и попутно я привезла вам военную информацию.

- Хорошо, допустим, все происходило действительно так. Но если задание тебе давал генерал Датуашвили, почему за помощью ты обратилась не к нему, а к председателю ИРС Юрию Кешелава? Если ты человек генерала Датуашвили, то пусть бы он и занимался твоей проводкой на Сухуми!

- Дело в том, что у меня по Гудауте очень срочная информация. А я не знала, каким образом мне можно было выйти на связь с генералом Датуашвили. Сухуми на грани падения. Как говорится, промедление смерти подобно! Вот я и решила на свой страх и риск выйти на телефонную и телеграфную связь с председателем ИРС Юрием Кешелава. В конце концов, мы ведь одно дело делаем, одну Родину защищаем! Разве не так?! Я вправе была надеяться на помощь со стороны Юрия Кешелава!

- Все, что ты здесь нам рассказала, это, конечно, очень интересно, но, к сожалению, область фантастики - не наш профиль работы. Она нас не интересует.

- Я говорю вам правду!

- А это мы сейчас проверим!

Через десять минут Иоселиани уже разговаривал по прямому проводу с Сухумом, с полковником Юрием Кешелава. Разговаривал по-грузински. Женя ни черта не поняла. Но по выражению лиц присутствующих здесь она поняла, что дело ее плохо.

- Ну что теперь будем делать? - спросил Иоселиани, положив на рычаг трубку. - Отказался-то от тебя наш председатель ИРС! Знаешь, что он сказал?

- Что?

- "Я ее в Гудауту не посылал!" Вот что!

- А разве я вам говорила, что именно он меня посылал? Я же вам русским языком сказала, что находилась в Гудауте по заданию генерала Датуашвили! А с Юрием Кешелава мы просто хорошие знакомые.

- И тем не менее, он от тебя отказался.

- Ну, это уже его личное дело!

- Хорошо, допустим, ты действительно выполняла задание генерала Датуашвили. Но разве абхазцы такие олухи царя небесного, что сразу поверили тебе? Ведь ты же долгое время, почти восемь месяцев, находилась на вражеской для них территории. Неужели они так сразу и поверили, что ты не связана с грузинской разведкой? Объясни, как ты стала военным тренером? Ведь, насколько мне известно, туда берут только после соответствующей проверки!

- Да, в этом вы абсолютно правы. Если бы все было так просто, я сумела бы выполнить задание генерала Датуашвили в течение месяца, ну от силы полутора. Кстати, такой срок он мне и давал. Но я не уложились ни в месяц, ни в полтора. Чтобы стать военным тренером, мне понадобилось три с половиной месяца.

- Ну, и как же тебе это удалось?

- Через спорткомитет. Меня хорошо знали еще с довоенного времени как спортсменку. Меня направили в поселок Пицунда на должность старшего тренера, чтобы тренировать детей беженцев.

- Ты хочешь сказать, что у абхазцев так хорошо обстоят дела, что их дети занимаются спортом?

- Да.

- Сомневаюсь. У меня на этот счет информация совершенно другого рода. Они подымают с голоду и им совсем не до спорта... Ну, ладно, пошли дальше.

- А дальше? Что дальше? Я набрала свой штат тренеров, открыла спортзал при бассейне, и дети беженцев начали заниматься. Несколько раз меня дергала абхазская служба безопасности. Однажды чуть не расстреляли: кто-то меня на улице опознал и донес властям, что я в Сухуми с грузинским офицером

под ручку гуляла.

- Ну, и как же ты выкрутилась?
- Ой, не говорите! Сказала, что черт попутал. Одинокая женщина, опутал меня, мерзавец! Влюбилась в него. А он посмеялся надо мной, поиграл, обманул и бросил, как ненужную игрушку. Даже имя его назвала - майор внутренних войск Тамаз Цыбульский. Это имя можно было называть абхазцам: так было предусмотрено легендой.
- Ну, и как они на это отреагировали?
- Нормально. Как мы и ожидали. Я расплакалась, сказала, что после того, как Тамаз обманул меня и поступил так подло, я ненавижу его, а вместе с ним и всех остальных грузин.
- Итак, ты стала тренером в поселке Пицунда?
- Да, но только не просто тренером, а старшим тренером. У меня был свой штат тренеров.
- А где находится оружейный склад в Пицунде?
- Женя озадаченно покосилась на Иоселиани:
- Не слышала о таком.
- Эх ты! Там живешь и не знаешь! Я и то знаю! В здании администрации объединения пансионатов!
- Первый раз об этом слышу!
- Скажи, Пицунда хорошо укреплена?
- "Хорошо" - не то слово. Крепость!
- Скажи, а когда наш самолет бомбил Гудауту, бомба попала в дом Ардзинба?
- Нет. Прямо в его дом не попала, но упала рядом.
- Ну, и какую же военную информацию, кроме того, что ты уже сказала, ты хотела передать генералу Датуашвили?
- Что 18-го июня в Абхазию привезли новое современное оружие. Половину оставили в Пицунде, половину увезли на Гумисту. Новой техники было так много, что она шла целый день.
- Еще что ты знаешь?
- Еще? Еще я слышала, что 28-го июня вверх по Бзыбскому ущелью ушла большая группа абхазских боевиков, вооруженная до зубов.

Иоселиани вытащил из кобуры свой пистолет и положил его перед собой на стол:

- До тебя, Евгения, я застрелил в этом кабинете троих абхазских лазутчиков. Ты будешь четвертая.
- Женя недоуменно пожала плечами:
- Но я вовсе не абхазский лазутчик!
- А кто же ты? Самый что ни на есть абхазский лазутчик! Говори, кто подослал тебя сюда? Кто?!
- Никто меня не подсылал! Я человек генерала Датуашвили!
- Ах, даже так?! Никто не подсылал?! - угрожающе приподнялся с кресла Иоселиани. - Кому ты лапшу на уши вешаешь?! Кого ты пытаешься обмануть?! Да знаешь ли ты, куда выходит Бзыбское ущелье?! Иди сюда, скотина!!

И он за шкуру потащил упирающуюся изо всей силы Женю к стенке, на которой висела карта Абхазии:

- Смотри, дрянь, смотри! - бил он ее головой об стенку. - Смотри!! Смотри, куда выходит Бзыбское ущелье! Оно выходит за пределы Абхазии!!! Кто тебя подослал?! Говори, кто?!
- Фонтаном хлынула кровь из носа Жени. Голова загудела от страшных ударов об стенку. Но Женя, стараясь унять противную дрожь в ногах и слезы, усиленно соображала, что делать...

- Они ушли по ущелью, чтобы горными тропами выйти на Сухуми с востока.

Струйки крови уже ручейком стекали по одежде Жени на пол. А она все стояла у стенки и, как заводная, повторяла:

- Меня никто не подсылал!.. Я находилась в Гудауте по заданию генерала Датуашвили!..
- Нет, тебя подослали! Говори, кто?! Абхазская ты сволочь!!!
- Да, я абхазская сволочь! - выпрямилась во весь рост Женя.
- Но по заданию генерала Датуашвили!!

И, вытащив из потайного кармана брюк свое служебное удостоверение старшего лейтенанта абхазских Вооруженных сил, бросила его в лицо рассвирепевшего Иоселиани. Это подействовало на него, как красная тряпка на быка. Взревев от ярости еще сильнее, он бросился на Женю:

- Педерастка ты! Я тебе сейчас покажу!!!
- Сам педераст! - не дала задний ход Женя. - Это я тебе покажу!!!

Перед ее лицом мелькнула озверевшая морда Иоселиани и огромный его кулак. Чисто инстинктивно отработанным движением Женя подставила двойной блок. Удар здорового зампреда ИРС Грузии не попал по цели: он прошел выше головы Жени. Надо ли говорить о том, что было бы с ней, если бы мощный удар кулака Иоселиани попал ей точно в голову, куда он метил. В эту минуту он свалил бы быка, не говоря уже о ней.

Иоселиани не ожидал такого оборота дела и в первую минуту даже растерялся. В его кабинете обычно стонали, кричали, плакали, корчились от невыносимой боли! А тут!.. Да еще женщина!..

Чутье Жени на предстоящую опасность сразу же обострилось. Она прямо-таки затылком ощущала, что к ней кто-то подкрадывается сзади. Приемом боевого самбо она резкой подсечкой и зацепом ноги сзади сбила невидимого противника на пол. И только в падении, мельком оглянувшись на соперника, увидела, что это был полковник Дато Сабаташвили.

С этого момента все изменилось. Женю бережно подняли с пола, принесли графин с водой. Иоселиани лично помог ей очистить одежду от крови и умыться.

Теперь они уже разговаривали в более спокойной обстановке, нормальными человеческими голосами. Иоселиани взял стул и вплотную подсел к Жене:

- Скажи, Женя, - пристально глядя ей в глаза, спросил он. - У тебя с психикой как? Все нормально?!

Женя удивленно покосилась на него:

- Я стою на учете у спортивных врачей уже семь лет. Каждые четыре месяца проходила всех медицинских специалистов, в том числе и психиатра и невропатолога. Никаких отклонений за все семь лет они у меня не замечали. А почему, собственно, вы меня об этом спрашиваете?! Если не секрет, конечно.

- Видишь ли, Женя... Ну, как бы тебе это лучше объяснить?.. Ну, вот представь себе, пожалуйста, что я, Автандил Иоселиани, зампреда информационно-разведывательной службы Грузии, со своим соответствующим служебным удостоверением вдруг приеду в Гудауту и буду там его афишировать. Как ты думаешь, что обо мне подумают абхазцы?!

Женя молчала.

Иоселиани вдруг глянул на Женю и улыбнулся:

- А ты меня не помнишь? Совсем не помнишь? Ну, посмотри же на меня хорошо! Не вспомнила?..

Женя отрицательно покачала головой. Нет, этого человека они никогда не видели раньше.

Иоселиани нервно забарабанил пальцами по спинке стула:

- Ну, как же... Ведь ты приносила мне, в КГБ, письмо, где просила политического убежища в США.

И тут Женя вспомнила... Все вспомнила! Картины довоенной жизни поплыли у нее перед глазами: то, как она скиталась без жилья, как на Новом поселке в Сухуме в группе таких же "бездомных" самовольно вселилась в сданный в эксплуатацию дом. Ее поездки в Москву, угрозу самосожжения, пожар в захваченном доме по ул. Дзержинского, 4а...

...Но вернемся к 6-му июля 1993 года. Кабинет зампреда ИРС Грузии Автандила Иоселиани. Допрос Жени Любимовой продолжается...

АБХАЗСКИЙ ШТИРЛИЦ

- Ну что, абхазский Штирлиц, допрос продолжим? - с иронией спросил Иоселиани. - Воспоминания закончились, теперь давай к делу. У меня вопрос: почему ты так стремишься выйти на Сухуми? А не лучше ли тебе работать прямо на Тбилиси?

- Вы слишком далеко от линии фронта.

- Ну и что же? Как ты уже убедились, нам и пяти минут не понадобится, чтобы выйти на связь с Сухуми. Ведь отсюда, из Тбилиси, и идет управление действиями наших частей. Ты можешь оказать Грузии неоценимую помощь, если будешь передавать военные сведения прямо на Тбилиси.

Женя долго молчала. Потом нерешительно пожала плечами:

- Вы знаете... Все это так неожиданно... Я не знаю... Но я подумаю.

- А скажи, Женя, - вдруг тихо и как-то доверительно спросил Иоселиани. - На кого же ты все-таки работаешь? На нас? Или на абхазцев?

Женя вздрогнула, как будто ее ударили плеткой. Она почему-то думала, что Иоселиани уже ей поверил.

- Ну, так как же, Евгения? Ты не ответила на мой вопрос: на кого же ты работаешь? На чью разведку?

Глаза Иоселиани прямо-таки сверлили Женю.

- Я должен предупредить тебя, Евгения, что игра двойного агента очень опасна. Тебе не кажется это?

Женя по-прежнему стояла молча.

- Я говорю это тебе как друг, как твой старший товарищ. Поверь, я не желаю тебе плохого.

В ответ - ни слова.

- Если ты добровольно не откажешься от роли двойного агента, тебя убьют. Либо абхазцы, либо мы. Ты должна раз и навсегда выбрать для себя: на чью же разведку ты будешь работать. Подумай хорошо и ответь мне, что ты решила.

- Свой выбор я сделала уже давно, - тихо сказала Женя.

- Какой? - насторожился Иоселиани.

- Я очень люблю майора внутренних войск Грузии Тамаза

Цыбульского. Он — моя Родина, моя жизнь, мое счастье. И я пойду за ним туда, куда бы он меня ни позвал. Даже на смерть. До сих пор Тамаз воюет на стороне грузин. Следовательно, и я тоже. Но если он изменит свои взгляды и перейдет на сторону противника — я последую за ним. Повторяю — я его люблю больше собственной жизни!

Иоселиани не сводил своих пронизательных глаз с лица Жени, стараясь по ее мимике определить, говорит ли она правду или же просто на просто играет. Женья выдержала этот взгляд.

Хорошо говоришь. Осталось самое малое: чтобы все это подтвердил Тамаз Цыбульский.

Напоминание о Тамазе резко изменило настроение Жени. На ее глаза навернулись слезы.

Только без слез! Только без слез! — сразу замахал руками Иоселиани. — Еще этого нам не хватало! Привезут скоро твоего Тамаза привезут!

Правда?! — обрадовалась Женья. — Значит, я его совсем скоро увижу?! Вот здорово!!!

Увидишь, увидишь! Но только при одном условии...

При каком еще условии?!

— Все, что ты нам здесь рассказала, ты должна изложить на бумаге. Бумагу и ручку мы тебе дадим.

Жене конечно, ничего не стоило "изобразить" все на бумаге. Она ничем не рисковала: ведь абхазское командование обо всем знает. Но не слишком ли подозрительным для грузин покажется то, что она так легко согласилась? Нет, надо немного помолиться и накинуть себе цену. Так будет гораздо надежнее.

— Я не буду ничего писать на бумаге, — категорическим тоном заявила она.

— То есть как это "не буду"? Что значит "не буду"?!

— Я еще пока не сошла с ума, чтобы своими руками подписывать себе смертный приговор!

У Иоселиани сразу подскочили вверх брови:

Не понял...

А тут и понимать нечего! Где гарантия, что вы не передадите абхазской стороне мои донесения? Ведь это же верная смерть!!! Вот тогда абхазцы действительно расстреляют меня!

Евгения! Я не понял, что ты от меня хочешь?! Чтобы я дал тебе письменную расписку, что не передам твои бумаги на абхазскую сторону? Да? Но я не могу этого сделать! ИРС никому и никогда еще не выдавала документы подобного рода!

— Да, но какая-то гарантия моей личной безопасности у меня же должна быть?!

— Если мы принимаем тебя к себе на службу, значит, мы верим тебе. И ты тоже должна верить нам. Верить и знать, что свои кадры мы никогда не продаем противнику. Понятно?

— Все равно я ничего писать не буду!

— Не будешь ты, тогда напишем мы! — разозлился Иоселиани и вызвал следователя.

И опять все переменялось. Теперь уже из грузинской разведчицы Женья превратилась в задержанную подозрительную личность, можно сказать — подследственную, которую подозревают в военном шпионаже.

Протокол составляли долго, на грузинском языке. Женья терпеливо отвечала на многочисленные вопросы и сидела так тихо, что Иоселиани даже удивился ее внезапной перемене. Он это расценил по-своему:

— Что, небось не хочется в камеру-то, а?

Женья молчала, "скромно" потупив глаза.

Когда протокол наконец-то был составлен, Женья категорически отказалась его подписать.

— Я не буду подписывать этот протокол!

— Почему?

— Он написан на грузинском языке. А я по-грузински не понимаю. Откуда я знаю, может, вы мне там убийство приписали! Нет, не буду подписывать!

— Какое, к черту, убийство! — заорал следователь. — Что же ты сразу не сказала? Я бы на русском написал! А теперь переписывай из-за тебя!

— Ничего! Мне лично торопиться некуда, — "успокоила" его Женья. — Можно и переписать...

Следователь свирепо сверкнул глазами и начал переписывать протокол. Это заняло у него еще минут двадцать, в течение которых в кабинет входили и выходили люди, шел разговор на грузинском.

— Фу-у! — наконец выдохнул он с облегчением. — Слава Богу, закончил. Теперь подпишешь?

Женья взяла протокол в руки, покрутила его и так, и эдак и... отложила в сторону:

— Не подпишу.

— Ты что, издеваешься над нами? — заорал рассвирепевший Иоселиани. — Почему не подпишешь?

— Вы написали: "Протокол задержания"! А разве вы меня задерживали? Я ведь приехала сюда сама! Никто меня не задерживал!

— Как же ты сама приехала, когда тебя полковник Сабаташвили привез?

— Это он меня из аэропорта Тбилиси привез! А в Тбилиси я приехала сама! Никто меня не задерживал!

— Ну вот что, дорогая! Хватит нам мозги крутить, ты нам и так уже их закрутила, а протокол ты нам подпишешь! И не придирайся к словам. Сама пришла или тебя задержали — один черт!

— Нет, не один! Приходят сами — хорошие люди, а которых задерживают — плохие! Они преступники! И протокол ваш я подписывать не буду!

Лицо Иоселиани налилось кровью.

— В камеру ее! В наручники!

У Жени отобрали вещи и сумку. Надели наручники. Сзади нее встал конвой. Теперь уже заорала она:

— Вы арестовали меня, да? Теперь я заключенный? А заключенных положено кормить! Я голодная!

— Я тоже! — перекрывая ее голос, закричал Иоселиани. — По твоей милости!

— Вы меня уже девять часов без перерыва допрашиваете! Я устала! Я голодная. Вы не имеете права держать меня без еды!!!

— вопила Женья.

— Сейчас мы тебя накормим! — с угрозой сказал один из конвойных. — А ну-ка давай, иди!

Видя, что дело совсем плохо, Женья переменяла тактику:

— Ну, хорошо, я согласна изложить все на бумаге!..

— Слава Богу, пришла в разум, — вмиг успокоился Иоселиани. — Давно бы так. А то корчишь из себя черт знает что! Ломаешься, словно целочка.

С Жени сняли наручники. Посадили за стол. Положили перед ней чистые листы бумаги и ручку.

Женья долго собиралась с мыслями и все никак не могла начать. Наконец, поймав на себе подозрительный взгляд Иоселиани, она вывела на бумаге первые слова. Теперь уже остановить ее никто не мог.

...Иоселиани нервничал. Забирая у Жени седьмой исписанный лист бумаги, он с досадой сказал:

— Что ты все только о своем Тамазе пишешь? Мы и без тебя знаем, что он хороший. Пиши о деле: расположение военных частей, штабов и огневых точек. Ты что, никогда донесения не писала?

Забирая у нее двенадцатый лист, Иоселиани заорал:

— Ты что мне тут любовные романы сочиняешь? Ты о деле пиши! О деле!!!

На пятнадцатом листе он схватился за сердце. А на девятнадцатом... позвонил Тамаз!

...Им не дали увидеться. Тамаз находился в Управлении внутренних войск. Он звонил из своего кабинета. По тону его Женья сразу почувствовала, что он в кабинете не один и ему трудно разговаривать.

Многое хотела сказать Женья Тамазу. Очень многое. Но она просто не смогла этого сделать. Она сказала ему то, что ей предписывали сказать:

Тамаз, слушай меня внимательно. Я сейчас возвращаюсь к себе домой, в Абхазию. Буду постоянно находиться в поселке Пицунда, пансионат "Маяк", 703-й номер. Или в спортзале плавательного бассейна. Жду от тебя связных по нашему паролю. Все. Целую, Женья.

"Целую" — это Женья уже добавила лично от себя. Больше она не успела ничего сказать: у нее отобрали трубку.

У Жени на глаза навернулись слезы. А ведь она так хотела увидеть Тамаза...

— Почему вы не хотите дать мне с ним встретиться?

— Мы с твоим Тамазом за его самодеятельность еще разберемся.

Ее отвезли на железнодорожный вокзал и посадили на поезд, идущий в Батуми. В Сухуми лететь ей не разрешили.

Никаких контактов с Сухуми ты больше иметь не будешь. Ты теперь наш человек и будешь выполнять задания из Тбилиси. Давай, давай, тебе до 14-го надо быть в Гудауте, а то засветишься.

Так закончилось для Жени "выполнение" этого задания. На календаре было седьмое июля 1993 года.

Библиотечка газеты "Эхо Абхазии"

Издательско-полиграфическое объединение Республики Абхазия